
Мара Шенфельд
Вторая жизнь
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Мара Шенфельд
Вторая жизнь

https://litres.ru/74729772
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если смерть — это не конец, а просто переход в другую ветку реальности?

Мария узнала это на собственном опыте. Под колесами экскаватора она умерла. А потом очнулась в мире, где осталась жива, но помнит всё: хруст костей, серый туман и голос, сказавший: «Рано. Ты ещё не всё сделала».

Теперь она живёт с раздробленной ногой в доме у северного моря. И с твёрдым знанием: тот, кто её убил, должен ответить. Не перед законом — перед Высшими силами. И она станет их проводником.

Десять дней. Одиннадцать свечей. Одна красная нить. Одна ведьма, которая больше не боится.

Он думал, что она слабая. Он ошибался. Он разбудил ту, кто умеет говорить с бездной.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	51
Глава 8	61
Глава 9	74
Глава 10	86
Глава 11	97
Глава 12	108
Глава 13	120
Глава 14	132
Глава 15	145
Г	159
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Мара Шенфельд
Вторая жизнь

Глава 1

18+

Дисклеймер: в тексте присутствует ненормативная лексика.

Все события и персонажи являются вымышленными, не рекомендую искать сходства и совпадения.

Я умерла в ту ночь.

Я проснулась от того, что нога горела адским пламенем.

Не открывая глаз, я потянулась к телефону, нащупала экран.

10:47 утра.

За окном шумело море. Пес Ян сопел у кровати. Все как обычно. Мой дом. Мой незаконченный ремонт.

Но что-то было не так.

И тут меня пронзило абсолютное, ледяное знание. Я не просто увидела страшный сон в эту ночь. Я умерла. Сердце бешено застучало и я судорожно ощупала свою грудную клетку. Все целое. Ничего не болит, кроме ноги. Но как же?!

Я помню это, как суровую реальность.

Я помню, как мы сначала перевернулись в джипе моего

знакомого — он подвозил меня домой, как пришлось возвращаться и искать помощь, как пьяный Илья сел за рычаги своего экскаватора. Помню, как железная махина дернулась назад. Помню, удар железного, огромного ковша, как колесо всей своей многотонной тушей наехало на меня. Помню хруст и разрывающую тело и мозг боль.

Помню, как из меня вышибло дух.

Я стояла в каком-то сером тумане. Там не было боли. Не было Ильи. Не было ничего. Только тишина. И голос, который сказал: «Рано. Ты ещё не всё сделала».

А потом — вспышка. И вот я здесь. Лежу и ничего не понимаю кроме того, что у меня дикая боль в ноге, да и всё тело какое-то как будто не моё.

В этот момент дверь в комнату открывается. Заходит папа. В руках у него телефон, и лицо какое-то растерянное.

— Маш, — говорит он тихо. — Это из полиции. Тебя. Говорят, по поводу ДТП. Надо объяснение взять.

Я смотрю на него. На телефон. И внутри меня вскипает такая дикая, первобытная злость.

Я только что, блядь, вернулась с того света! Я только что вспомнила, как сдохла под колесами! Я лежу с раздробленной ногой, а эти ублюдки из органов хотят взять с меня объяснение? С меня, а не с этого патлатого урода? Прямо сейчас?!

Папа протягивает мне трубку. Я беру телефон.

— Алло, — говорю я таким голосом, что, наверное, у тех

кто на том конце провода вянут уши.

— Здравствуйте, это старший лейтенант... — начинают там.

— Да пошел ты на хуй!!! — рявкаю я и сбрасываю звонок.

Папа вытаращивает на меня глаза.

— Мария! Ты чего?! Что вообще происходит?! — он смотрит на меня, как на сумасшедшую.

А я смотрю на него. На его испуганное лицо. И понимаю, что он не знает. Он не знает, что я умерла. Он думает, что я просто пережила аварию. Сердце бешено стучит в висках. Ничего не понимаю.

— Пап, — говорю я, пытаясь унять дрожь в руках. — А что, собственно, произошло? Что они от меня сейчас хотят?

— Как что? — папа садится на край кровати. — Ты в ДТП попала. Машина перевернулась. И экскаватор этот... тебе ногу покалечил. Ты что, совсем ничего не помнишь?

Я смотрю на свою ногу. На синяки. Но я точно помню, что экскаватор не на ногу мне наехал...

«Значит, мне дали второй шанс, — думаю я. — Но зачем?»

Высшие силы (или кто там решает эти вопросы) вернули меня. Но они сделали это хитро. Они не отмотали время назад. Они просто залатали дыру в этой реальности. Сделали так, будто я выжила. Будто экскаватор только задел ногу. Будто у меня просто амнезия.

Но они забыли стереть мою память о смерти.

И теперь я лежу. И понимаю, что этого не было. Что я должна была сейчас быть в морге или в гробу, а не посылать служителей порядка по известным адресам.

Возникает логичный вопрос: Зачем?

Зачем меня вернули?

Телефон зазвонил снова. Елена-фельдшер. А ей то что надо?

Я беру трубку. И тут же слышу в ухо громкий, возмущенный женский голос:

— Мария! Это просто безобразие! Я тебе больше не буду помогать! Ты вообще как себя вела?! Ты кидалась тапками, кричала, всех ругала! Это же невозможно!

Я смотрю в стену. В голове — пустота и шум.

— Лена, — говорю я медленно, пытаясь собрать хоть какие-то обрывки мыслей. — Подожди. Я вообще ничего не помню. Я не помню, что ты мне помощь оказывала. Я не помню, как я оказалась дома.

— Как это не помнишь?! — продолжает возмущаться Лена. — Ты там такое устроила!..

Я закрываю глаза. Крепко-крепко берусь за голову. Мне плевать на тапки. Мне плевать на её крики. Я только что вернулась с того света. Мое тело помнит, как его раздавило. А эта женщина мне высказывает за то, что я в шоке кидалась тапками.

— Лена, — перебиваю я ее тихо, но твердо. — Я тебя услышала. Мне очень жаль. Спасибо за помощь.

— Ладно, как ты себя чувствуешь? Гипс не давит?

— Эээ какой гипс? Я его сняла по ходу... Нет его на ноге, я не помню...

— Зря ты его сняла! На ногу не наступай, скорая выехала в 9 утра, скоро должны приехать, собери вещи.

— Я поняла.

И кладу трубку.

Что за дичь? И вдруг я начинаю ржать.

Громко. В голос. Так, что Ян поднимает голову и смотрит на меня с недоумением.

Я смеюсь, потому что понимаю, в чем фишка.

Я умерла. А никто даже не заметил.

Я прошла через бездну. И нет никакого рая или ада. А тут есть просто какая-то другая, но такая же реальность!

Может быть Высшие силы вернули меня не для того, чтобы я страдала? Они вернули меня, чтобы я наказала тех, кто этого заслуживает? Или чтобы я просто дожила эту жизнь так, как хочу я.

— Пап, — говорю я, вытирая выступившие от смеха слезы. — Все нормально, не волнуйся. И... затопи печку, пожалуйста. Холодно.

Папа смотрит на меня, качает головой, но идет к печке. А я беру телефон и открываю заметки.

Я начинаю писать. С этого момента начинается моя новая жизнь. Жизнь после смерти. И она, блядь, будет охуенной. Только сначала надо крепко встать на обе ноги.

Глава 2

Я думала, что умру еще раз. И на этот раз — окончательно.

Дорога до райцентра — это не дорога. Это полоса препятствий. Грунтовка — ямы, колдобины. Каждая кочка отдавалась в мою многострадальную ногу так, будто по ней заново проезжал экскаватор.

Фельдшер скорой намотала на мою ногу эластичный бинт. Сказала, что зафиксировала и вкатила мне обезболивающий укол.

Помогло слабо. Или боль была настолько сильной, что никакой укол не справлялся. Или дело было не только в ноге.

Меня трясло. В салоне скорой было холодно, пахло спиртом и чужой бедой. Я лежала на жестких носилках, смотрела в белый потолок и пыталась собрать свой мозг по кусочкам.

В голове была каша. Вперемешку — обрывки воспоминаний о сером тумане, голос, который сказал «Рано», и реальность, где я лежу с повязкой на ноге.

А еще — нетвёрдые воспоминания о том, что же произошло на самом деле.

Перед тем как меня погрузили в скорую, мы с ним увиделись. Он пришёл с каким то пакетом в руках — ссутуленный, жалкий. Я стояла возле ворот, шатаясь, на одной ноге и смотрела в его глаза, полные паники.

— Илья, что произошло? Я ничего не помню, после того как машина перевернулась, помню что ты достал бутылку виски и дал мне выпить, чтобы я успокоилась и перестала трястись, мы пили, говорили, а потом за нами приехал Макс и всё! Провал!

— Мария, так и было, а потом ты куда-то ушла в темноту, может в туалет, там видимо упала и сильно закричала. Мы тебя там нашли и отвезли к Елене.

Я смотрела на него. В его голубые глаза. На его чёлку. И мой мозг, отравленный шоком и амнезией, пытался это переварить.

«Я ушла в темноту? Упала?»

Я же помнила другое! Я помнила, как стояла рядом с экскаватором. Помнила, как он дернулся. Помнила, удар сбивший меня с ног и как на меня поехало колесо. Но я не могла собрать это в единую картину. А он... он смотрел мне в глаза и врал. Но как он мог?

И я поверила. Или сделала вид, что поверила. Потому что у меня не было сил и времени спорить. Мой мозг отказывался соображать. Потому что я не понимала, где правда, а где ложь в этой реальности. Но папа говорил про экскаватор. А Илья ни слова. Странно... Я поверила ему. Потому что он был в ту ночь со мной. Но поверила не до конца, было ощущение какой-то фальши.

И вот мы едем. Скорая несется по этой убитой дороге, а я вдруг понимаю, что мы проезжаем мимо того самого места.

Где мы перевернулись ночью.

Я приподнимаю голову, насколько могу. В окно видно разбитую машину. Рядом стоит экскаватор.

И тут меня накрывает.

Вспышка. Он смотрит на меня в перевернутой машине. И говорит: «Я хочу тебя уже пять лет».

Пять лет.

Я лежу, сморщившись от боли, и меня начинает мутить. И не от укола, а от осознания.

Пять лет он меня хотел. Пять лет приезжал в гости к моим знакомым и пожирал меня глазами. Пять лет смотрел, как я живу. Молчал. А потом напился, перевернул машину, признался в своих чувствах, сел за экскаватор и покалечил меня. В этой реальности покалечил. В той вообще убил.

Пять лет, а он то женат между прочим! А я на него даже и не смотрела никогда как на мужчину — просто знакомый с которым было весело иногда встречаться в общих компаниях, я даже не подозревала о его чувствах. А теперь благодаря ему лежу с раздавленной ногой, и меня даже укол не может нормально обезболить, потому что дорога — это кусок дерьма. А он в это время сидит где-то там и молчит, думая что я и правда ничего не помню.

Я закрываю глаза. Боль в ноге пульсирует в такт сердцу.

Нет никакой любви. Есть только эгоизм. Проваливаюсь в сон.

Темнота, серый туман. И зловещий шёпот, раздающийся

отовсюду: «Ну что, Мария? Убедилась? Нет никакой любви. Есть только эгоизм. Давай, прокляни его. Ты же Ведьма».

Я крепко сжимаю зубы.

Нет.

Боль — это физика. Это пройдет.

А вот предательство — это выбор. И если он соврал, я ему этого не прощу.

Но и проклинать я его не буду. Пока. Сначала нужно во всем разобраться.

Я открываю глаза. Скорая сворачивает на асфальт. Становится чуть ровнее.

— Доктор, — хриплю я. — Долго еще?

— Минут сорок, — отвечает. — Терпи.

Я закрываю глаза. И начинаю считать кочки.

Одна. Вторая. Третья.

И с каждой кочкой я понимаю: я справлюсь.

Я вернулась и этого более чем достаточно. А уж как он свои чувства будет проявлять в такой ситуации и будет ли вообще время покажет. И что произошло в этой реальности тоже узнается.

Мы прибыли. Двери скорой распахнулись, и в лицо ударил холодный осенний воздух, смешанный с запахом мокрого асфальта и больницы.

Меня выкатили на каталке. Потолок приемного покоя, белые лампы, звук, с которым колеса скрипят по линолеуму. Я смотрела в потолок и пыталась понять, в какой реальности

я нахожусь. Изменилось ли что-то ещё? Бывало ли с кем-то такое же? Надо поискать подобные истории в интернете.

В приемном покое дежурил мой знакомый врач. Хирург. Мужчина в возрасте, с уставшими глазами, который знал меня еще по прошлым «подвигам». Он глянул на меня, на мою ногу, на фельдшера, которая сдавала меня, как посылку, и покачал головой.

— Мария Сергеевна, — сказал он, подходя ближе. — Опять вы? Что на этот раз?

— Я не помню — ответила я, чувствуя, как язык ворочается с трудом. — Кажется просто упала.

Он нахмурился. Вызвал медсестру. Меня повезли на рентген.

Лежать на холодном столе рентген-аппарата было еще одним испытанием. Меня крутили, просили задержать дыхание. Я смотрела на белый потолок и думала о том, что я, только что вернулась с того света, а сейчас лежу в какой-то районной больнице и жду снимка, у всех жизнь течёт своим ходом, а меня, вот так просто, могло не быть сегодня здесь. И возможно у медработников сейчас было бы свободное время, они наверное пили бы чай...

«Хватит! »— осекла я себя — «ты здесь и это все, что реально!»

Когда меня привезли обратно в коридор приёмного покоя, знакомый хирург уже держал в руках снимки. Он долго смотрел на них, потом на меня.

— Ну что, Мария, — сказал он. — Кости, слава богу, целы. Перелома нет.

Я уставилась на него.

— Как целы? — вырвалось у меня. — Там же... — «Был экскаватор» добавила мысленно, понимая , что запуталась окончательно, тогда может быть Илья мне не врал и я действительно в темноте подвернула ногу, но как же тогда объяснить мои воспоминания? Шок от травмы? Глюк? У меня закружилась голова.

— Связки порваны, отёк сильный, гематома огромная. Сустав смещен. Но кости целы, — он пожал плечами. — Тебе очень повезло.

Повезло.

Я лежала на каталке и чувствовала, как внутри меня истерически смеется моя внутренняя Ведьма. Вот это везение! Я помню, как под колесами трещали мои рёбра. Я помню, как из меня с последним, хрипящим выдохом вылетел дух. А мне говорят, что мне «повезло» и «кости целы».

Это была та самая новая реальность, в которую меня закинули. Реальность, где мое тело выжило, а память осталась.

И тут я вспомнила, что когда мы приехали во дворе больницы стояла машина ДПС.

— Доктор, — позвала я хирурга. — А там... на улице. ДПС стоит?

Он выглянул в окно.

— Стоит, — кивнул он. — Они ждут, когда ты сможешь

дать объяснения. Лена сообщила, что травма получена в ДТП. Так что сейчас подойдут.

Я закрыла глаза.

«Отлично, — подумала я. — Просто отлично».

Я тут недавно сдохла под экскаватором. Меня вернули. Мне вкололи обезболивающее, которое не работает. У меня травмирована нога. И вот теперь, в этой новой жизни, меня ждет разговор с инспектором ДПС, который будет задавать вопросы и требовать подробностей. А я то его с утреца по известному адресу отправила... Боже мой! Какой стыд...

Я открыла глаза. В коридоре появились двое в форме.

Я подтянула на себя одеяло, которым меня заботливо укрыла сердобольная медсестра.

«Ну давай, Мария, — сказала я себе. — Начинай врать. Или говорить правду, но какую если я её сама не знаю?!».

Я не знала, что я им скажу. Но времени, чтобы решить оставалось совсем немного.

Глава 3

Двое в форме подошли к каталке. Тот, что постарше, с усами и уставшими глазами, достал блокнот. Второй, молодой, встал чуть позади, держа папку.

— Мария Сергеевна? — спросил усатый. — Старший лейтенант Громов. Нам сообщил фельдшер, что вы пострадали в ДТП. Вы можете пояснить, что произошло?

Я посмотрела на него. И в этот момент в голове снова всплыли слова Ильи: «Ты ушла в темноту, упала и закричала». Где же правда? Я помню экскаватор. Помню колесо. Помню смерть. А он говорит про темноту. И папа говорит про экскаватор. Мой мозг готов был взорваться от этого противоречия. Но я знала одно: ментам плевать на мои внутренние драмы. У них своя работа. Свое кино. Они видят только сухие факты: машина перевернулась, нога травмирована, оба были пьяны. И как только я скажу, что это Илья сел за экскаватор, начнется стандартная процедура. А я знала по своему опыту: сотрудничество с правоохранительными органами никогда не шло мне на пользу. Они всё выкрутят так, как им удобно.

Но была и другая причина. Я знала, что полиция — далеко не единственная организация, которая следит за порядком. Есть силы гораздо выше. Гораздо честнее. Которые видят всё, как было на самом деле. И выставляют счета абсо-

лютно заслуженно. Им не нужны протоколы и понятые. Они просто ждут. Поэтому я сделала глубокий вдох, выдох. Посмотрела в глаза лейтенанту. И набрала полную грудь воздуха.

— Вы знаете... — сказала я медленно. — Наверное, я упала. Я хотела напиться и ничего не помнить. Я напилась и ничего не помню. Претензий ни к кому не имею. Я правда ничего не помню.

Лейтенант перестал писать. Посмотрел на меня внимательно.

— А у вас разве не было таких состояний? — вдруг спросила я, глядя ему прямо в глаза. — Когда вам просто хочется напиться? И ничего не чувствовать? Вот то же самое было. Пока я ничего не могу вспомнить и ничем не могу помочь.

Молодой напарник чуть дернул уголком рта. Усатый же смотрел на меня долгим, тяжелым взглядом. Он понимал, что я вру. Но у него не было ни сил, ни желания копать глубже.

— То есть вы отказываетесь давать показания? — уточнил он.

— Я не отказываюсь. Я просто честно говорю: у меня амнезия. Если вспомню — я вам сообщу.

— Так, заканчивайте опрос, мне нужно забрать больную, — раздался строгий женский голос, и в коридоре появилась медсестра с не менее строгим видом.

До чего же вовремя! Сурово взглянув на блюстителей по-

рядка, она подхватила мою каталку и, решительно развернув, повезла меня прочь. Я лежала и понимала: эта ложь была мне тяжела. Но где-то в глубине души я чувствовала, что делаю всё правильно. Я не сдала его системе. Я отдала его в руки той самой Высшей организации, которая не берет взяток. И мы еще посмотрим, кто из нас будет плакать.

Завибрировал телефон. Экран светился от сообщения Влады, моей подруги, которая давно звала меня в гости. Ну вот и случай для встречи!

«Привет, как ты там? Ты мне снилась сегодня, нехороший сон, у тебя все нормально?» Я быстро набрала:

«Приехала в ваш город на скорой, жива и это уже очень хорошо».

«Твою ж.... Маня! — тут же ответила она. — Что случилось? Или ты как на попутке?»

Я нажала на микрофон: «Ерунда, ногу повредила».

И тут меня осенило. У меня ж с собой почти ничего нет! Я записала ей голосовое:

«Еще и не собралась вообще, не взяла толком ничего, только зубную щётку и немного одежды. Деньги есть, но купить сейчас я ничего не смогу, у меня только наличка, сможешь меня выручить?»

Влада ответила мгновенно: «Ну, конечно, куплю, заеду, только я освобожусь... ты пиши список, что надо купить. Ну, ты пипец, как ты умудрилась ногу повредить? Маш? Еще этого не хватало, тебе ж только недавно позвоночник на ме-

сто поставили. Катастрофа ты моя!»

Я улыбнулась. Впервые за это утро.«Носки, расчёска, влажные салфетки. При встрече расскажу. Я в больнице уже. Спасибо, солнце», — написала я.

«А тапочки?» — спросила она.

«Точно. 40-го размера нога у меня. Только белые если можно, пожалуйста. Резиновые. У китайцев такие есть типа найк или адидас».

Я смотрела на телефон и понимала весь абсурд ситуации. Я только что вернулась с того света, лежу с раздавленной ногой, а мой важный вопрос в жизни — это белые резиновые тапочки 40-го размера. Сама с себя удивляюсь порой.

«А кушать ничего не надо, Маш? Покупать там, я не знаю. Или ты что-нибудь с собой взяла, хотя бы...» — пришло сообщение.

«И носочки тоже белые. Я ничего не брала, пить хочу сильно», — ответила я.

«Все поняла. Жди», — последовал ответ.

Тем временем меня привезли в перевязочную.

— Подожди здесь, сейчас все приготовим, и я приду за тобой, — предупредила медсестра и скрылась за дверью.

У кабинета с надписью «Перевязочная» на лавочке сидел симпатичный молодой человек со страдальческим выражением лица. Он прислонился к стене и держался за поясницу. Высокий, широкоплечий. Лицо бледное, на лбу испарина.

— Сломались? — спросил он, кивнув на мою забинтован-

ную ногу.

— Типа того, — хмыкнула я. — Поругалась с экскаватором.

— Ого, — присвистнул он. — А я вот кажется межпозвоночную грыжу заработал. Таскал тяжести. Теперь хожу, как старик, хоть мне всего тридцать три.

— Опасный возраст для мужчин. — заметила я.

— Да, слышал такое. Поэтому сразу и примчался сюда. Меня, кстати, Тимофей зовут!

— Мария! Очень приятно, Тимофей, — улыбнулась я.

Он оказался индивидуальным предпринимателем. Мы разговорились. Я рассказывала про свой дом в глуши, про море, про свою собаку. А он — про свой бизнес и про то, как сейчас его тело подводит.

— А вы знаете, — вдруг сказал он, — я увлекаюсь психологией. И люблю читать. Вы кстати как,читаете?

И мы зависли на книгах. Это ж моя стихия! Я даже не заметила, как пролетело время. С ним было легко. Он не смотрел на меня как на жертву. Он смотрел на меня как на интересного собеседника.

Телефон снова зажужжал. Сообщение от Влады: «Всё купила, еду, держись там». Я улыбнулась. «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» — прекрасная и правдивая поговорка. Мои друзья самые лучшие.

— Так, девушка, давайте аккуратно вставать и поскакали гипсоваться, — вернулась строгая медсестра, но уже с улыб-

кой и голосом, полным сочувствия и заботы. Какая приятная женщина! В кабинете мне наложили лангету и накрепко забинтовали обычным бинтом. Вошёл врач.

— Так, перелома нет, поэтому оставить тебя в отделении мы не можем. Завтра ты должна пойти на приём к хирургу, вот талон, а вот эту бумажку отдашь ему.

— Поняла, — задумчиво протянула я, забирая бумаги. — Спасибо.

Значит, в больнице меня не оставляют. Но куда мне идти? До дома 150 км грунтовки, да и на чем я поеду? Такси в мою глушь 17000 будет стоить, а откуда мне сейчас их взять?Я взяла в руки телефон. Сообщение от Влады: «Маш, я оставила пакеты на посту медсестры, мне нужно ехать, завтра к тебе приеду, обязательно поешь. Там кстати внизу полиция, надеюсь ты ничего не натворила и они не по твою душу сидят! Люблю».

Блин! Я написала: «Меня не положили в отделение, отправляют домой, можно я у тебя останусь? Про полицию потом всё объясню».

Ответ пришёл мгновенно: «Да конечно, какие вопросы! Только я не смогу тебя забрать сейчас, я ещё занята буду примерно час. Приезжай на такси, хорошо? Чувствую разговор будет интересным! ».

Я с облегчением выдохнула. Всё-таки везёт мне с друзьями! Я, прыгая на одной ноге и держась за стенку, выбралась в коридор. Тимофея уже не было. Жаль, интересный мужчи-

на. «Тьфу ты, Мария! — раздался внутренний голос. — О чём ты думаешь? О жизни и её прелестях!», — ответила я сама себе и, не обнаружив на месте своей каталки, поскакала к приёмному посту за своими вещами.

Там меня ожидали сотрудники полиции.

— Прочтите и распишитесь, — усатый лейтенант протянул мне папку с моими объяснениями и ручку.

— Если вдруг что-то вспомните, вот моя визитка.

Я села, внимательно прочла текст, удовлетворенно кивнула и, написав, что с моих слов записано верно и мною прочитано, поставила подпись.

— Выздоравливайте! Всего доброго!

— Всего доброго! Я устало прислонилась к спинке лавочки и закрыла глаза. Как же я устала!

— О! Ты ещё здесь! — раздался голос моего нового знакомого. Тимофей!

— Да, в отделение меня не положат, так что придётся убираться восвояси.

— Слушай, у меня машина здесь. Давай подвезу куда тебе нужно.

— Это было бы здорово!

— Тогда посиди пока тут, я заберу твои вещи, загружу в машину и подъеду к крыльцу. Они тебе что, костыли не дали?

— Как видишь, — вздохнула я.— Ладно, придумаем что-нибудь. Жди, я быстро.

Я улыбнулась. В этой новой реальности всё было не так уж и плохо. Главное — чтобы тапочки подошли.

Глава 4

Машина у Тимофея была большая, чистая и пахла каким-то приятным мужским парфюмом. Я сидела на переднем сиденье, пристегнутая, с замотанной ногой, и чувствовала себя странно.

Вечерело. Мы ехали по городу, и разговор лился сам собой. С ним было совсем не напряжно, а наоборот — настолько легко, как будто мы были знакомы уже давно.

— А я ведь в твоих краях бывал, — вдруг сказал Тимофей, плавно поворачивая руль. — Летом приезжал за морошкой.

— Да ладно? — удивилась я. — И как тебе?

— Красиво. Тихо. И знаешь, что меня больше всего удивило? Вижу дом на отшибе, а на крыше пиратский флаг развевается. Черный с черепом. Я еще подумал: кто ж там живет, Джек Воробей местного разлива?

Я засмеялась. Впервые за этот безумный день я смеялась искренне и радостно.

— Так это мой дом! — сказала я. — Я его второй год восстанавливаю. А флаг — это так, для настроения. Чтобы все знали, кто здесь живет.

Тимофей посмотрел на меня с таким искренним интересом, что у меня внутри что-то ёкнуло.

— Теперь я знаю, где тебя искать, — сказал он просто, без

всякого подтекста, но от этих слов почему-то стало тепло.

Мы доехали до дома Влады. Я попросила его остановить машину у подъезда и набрала подругу.

— Влад, я приехала. Вынеси мне какую-нибудь палку, а? Ну, или что-нибудь, на что можно опереться. Костылей мне не дали.

Через пару минут из подъезда выскочили Влада и её муж Сергей. В руках у Влады была… швабра. Я посмотрела на эту швабру, на их обеспокоенные лица, и поняла, что это лучший момент за весь вечер.

— Ну что, все приличные ведьмы летают на метлах, — Серёга протянул мне швабру.

— А ты у нас как всегда отличилась! — подхватила Влада с улыбкой.

Я оперлась на нее и поднялась с сиденья.

— Значит, я сегодня — Ведьма на швабре, с кем не бывает!

Сергей хрюкнул от смеха, Влада всплеснула руками, мы дружно засмеялись. Я поблагодарила Тимофея, Сергей забрал мои вещи, и мы попрощались.Глядя на мои неумелые поскакушки со шваброй, Влада только вздыхала, Серёга ржал и подшучивал. Так, хихикая и обмениваясь подколами, мы доковыляли до квартиры. Точнее, я доковыляла, а ребята просто медленно дошли.

Дома пахло чем-то вкусным. Влада, судя по всему, успела и суп сварить, и что-то потушить.

— Давай, за стол, — скомандовала она, когда я наконец плюхнулась на диван.

— Рассказывай.

И вот тут началось самое сложное.Я сидела за столом, смотрела на свою швабру, прислоненную к стене, на Сергея, который молча нарезал хлеб, и на Владу, которая сверлила меня взглядом.Я понимала, что если расскажу им правду — всё, что я помню, всё, что сказал мне Илья, всё это безумие с серым туманом — Влада не выдержит. Она взорвется. Она полетит разбираться с Ильей, она вынесет мне весь мозг, она будет кричать, что я должна идти в полицию. А мне сейчас нужен был покой, чтобы самой во всём разобраться. И я решила соврать.

— Я упала, — сказала я, ковыряя вилкой в салате. — Выпила лишнего, празднуя своё награждение, пошла в темноту и упала. Ничего не помню.

Серёга хмыкнул, а Влада сузила глаза.

— Упала? С такой травмой?

— Врач сказал, что связки немного порваны и гематома. Может, я на что-то налетела. Не знаю. Правда, Влад, я не помню.

Она еще секунду подозрительно смотрела на меня, потом вздохнула и махнула рукой.

— Ладно. Главное, что не перелом и вообще жива.

Я выдохнула.Потом был ужин, разговоры ни о чем. Сергей рассказывал про свою работу, Влада жаловалась на цены

в магазинах. Я слушала их, кивала, улыбалась, и понимала, что это и есть настоящая жизнь. Теплая, простая, с супом и шваброй в углу.А потом меня уложили спать.Я легла на диван, укрылась пледом. Влада выключила свет и тихо прикрыла дверь. Я лежала в темноте. За стеной звучали приглушённые голоса моих друзей — Серёга собирался на ночную смену, Влада провожала, вскоре и они стихли. Серёга ушел, Влада тоже пошла к себе.Тело ныло, нога пульсировала, но я чувствовала, как из меня потихоньку уходит напряжение. Я закрыла глаза. И провалилась в сон.

Сон был не таким, как обычно. В нем не было привычных картинок. В нем была только темнота и тяжесть. Но сначала был голос:«Я уже пять лет мечтаю о тебе... Я всегда наблюдал за тобой, ты понравилась мне с нашей первой встречи...»Илья?!Я почувствовала, как матрас подо мной прогнулся. Кто-то лег сверху. Мужчина. Тяжелый. Его тело придавило меня к кровати. Я чувствовала его дыхание, его желание. Оно было плотным, осязаемым, как будто все происходило наяву.Он прижимался ко мне губами. Я могла бы поддаться. Мое тело готово было отозваться на эту волну, но разум остался холодным. Я не хотела отвечать. Я лежала неподвижно.Он потянулся к моему лицу. Поцеловал.Я держала губы расслабленными, но зубы сцепленными. Намертво. Как капкан. Я чувствовала, как его слюна стекает мне на губы. Ее было слишком много. Она была липкой и горячей. Мерзкое ощущение. Я не могла пошевелиться. В голо-

ве билась одна-единственная мысль: «Надо обязательно выплюнуть. Нельзя. Не хочу, чтобы это попало в меня!».

Но потом эта мысль сменилась другой. Более древней и мудрой. «Не шевелись. Не отвечай. Затаись и замри. Пережди. Он уйдет, когда увидит, что ты не реагируешь».Я чувствовала тонкую грань между его желанием и моим сопротивлением. Я балансировала на этой грани, как канатоходец. Я не открывала глаз, старалась дышать тихо и ровно, ждала. Время тянулось как резиновое, казалось, эта пытка никогда не кончится. Чужое желание оплетает липкой, горячей паутиной, словно затягивая в какой-то кокон чужой воли, и кажется, я готова сдаться в этот плен...

Нет! Я не хочу!

Моё тело принадлежит только мне! Катись к хренам, сука страшная!

Волна бешеной ярости рождается внизу живота и стремительно наполняет меня, сметая эту сладкую, мерзкую липкость.

«Уйди на хуй от меня!!» — единственная мысль пульсирует огнём в моей голове. Силуэт дернулся. Тяжесть на груди стала невыносимой, как в ту ночь под экскаватором. Но я не открывала рот, дышала носом. И ждала.И вдруг — темнота лопнула.

Я открыла глаза. Свет фонарей проникает сквозь шторы, кактус на полке. Я у Влады, все хорошо. И тут же провалилась в новый сон.

Я стою с охапкой вещей. На руках висят какие-то сумки, пакеты, прижимаю к груди свою любимую доску с нардами. Рядом — машина, в которую я собираюсь сесть. Я делаю шаг к ней...И тут откуда ни возьмись появляется другая машина. Она сшибает меня. Я теряю равновесие. Нога подворачивается, и я падаю.Падение длится целую вечность. Но я не выпускаю вещи. Я вцепляюсь в них так, будто это моя жизнь.

Приземляюсь на спину, по инерции ещё качусь, сбивая колени и локти, все вокруг трясется. Я ещё крепче сжимаю доску с нардами, они оглушительно гремят и стучат внутри. Остановилась, и всё резко стихло. Темнота.

И тут я начинаю смеяться. Сначала тихо. Потом громче. Потом — страшным, злобным смехом, от которого у любого нормального человека кровь застыла бы в жилах. Я лежу на асфальте, держу свои сумки, нарды. Вокруг меня пустота и темнота, а я ржу так, что закладывает уши. Потому что я вдруг понимаю: это не конец. Это начало. Я упала, но не выпустила свое. Я проиграла эту партию, но я все равно в игре. И теперь я буду играть по своим правилам.

Я открыла глаза. Утро. Светло. Я лежу на диване у Влады. За окном поют птицы, шумят автомобили. В комнате пахнет блинчиками. Я провела языком по губам. Они были сухими и чистыми. Никакой слюны. Никакого привкуса. Я выдохнула и улыбнулась. Бездна попробовала меня на вкус. И подавилась.

Я встала с дивана, взяла свою швабру и поковыляла на

кухню. Влада уже жарила блинчики. Она обернулась, посмотрела на меня и улыбнулась.

— Как спалось?

Я посмотрела на нее, на свою швабру, на солнечный свет за окном.

— Знаешь, — сказала я. — Даже не поверишь. Но, кажется, твой кактус посылает чудесатые сны.

Глава 5

— Ну, рассказывай, — Влада поставила передо мной тарелку.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как ведьма, которая неудачно пизданулась с помела, — хмыкнула я, беря вилку. — Нога болит, но жить буду.

Влада села напротив. Она смотрела на меня внимательно, без своей обычной легкой улыбки.

— Маш, ты же знаешь, я в это верю. В твои эти... штуки. Я как раз хотела тебя попросить. Мне бы ещё одну отливку сделать. Чувствую, что-то на меня налипло, тяжело как-то. Ты же помнишь, как ты мне в прошлый раз помогла?

Я кивнула. Конечно, помнила. Когда Влада в очередной раз начала скатываться в яму, я посадила её на стул, зажгла свечи, читала молитвы, заговоры и лила воск. Тогда это сработало. Она выкарабкалась. С тех пор прошло уже три месяца.

— Сделаем, Влад, — сказала я. — Но не сегодня. Мне сейчас нужно сначала себя на ноги поставить. И воск нужен.

— Ладно, — она вздохнула, но тут же прищурилась.

— Ты мне вчера что-то не то напела. «Упала в темноте». Ну да! Я же вижу, что ты что-то не договариваешь. И полиция была явно по твою душу. Что произошло на самом деле? Во что ты влипла? Ты что-то задумала?

Я посмотрела ей прямо в глаза. Влада была очень проницательной. Но сейчас я не могла ей всё рассказать. Не время. Сначала нужно было во всем разобраться самой.

— Задумала, — честно ответила я. — Но пока рано об этом говорить. Мне нужно сначала всё выяснить. До конца.

Влада помолчала, но кивнула.

— Ну, смотри. Ты же знаешь, я всегда на твоей стороне.

Мы позавтракали, и Влада засобиралась на работу.

— Тебе нужно к хирургу, — напомнила она, накидывая пальто.

— Угу. Помню.

— Скоро вернётся с работы Серёга и отвезёт тебя в поликлинику. Не возражай! — она подняла ладонь в останавливающем мои возражения жесте. — Я знаю, какая ты вся из себя самостоятельная, но это не тот случай! Позволь нам позаботиться о тебе, я так благодарна тебе за то, что ты тогда вытащила меня, так что вопрос закрыт! И насчет костылей. Я позвонила в соцпомощь. Они выдают их в аренду бесплатно, по паспорту. Так что обязательно заедь к ним, Серёга знает куда ехать, я его уже обо всем предупредила. На швабре у тебя летать не очень получается.

— Поняла, мамочка! — откликнулась я, чувствуя, что никаких аргументов у меня не осталось.

— Всё, люблю, целую, космос! — Влада пшикнула своими Dolce&Gabbana, послала мне воздушный поцелуй и упорхнула.

Я схватила телефон. На экране висело уведомление о нескольких непрочитанных сообщениях. Ммм... Илюша проснулся!

«Привет, Чувствую себя виноватым»

«Я завязываю пить»

«Че там у тебя? Че врачи говорят?»

«Сюда менты едут, ты че сказала на скорой?»

«Ау!»

Хм... Значит, чувствуешь себя виноватым? Интересно, в чём, если по твоим же словам я ушла в темноту и там где-то упала? Волнуешься о ментах? Хорошо, поиграем в твою игру и мою амнезию...Я набрала сообщение:

«Привет! В чем ты виноват? Ты же ничего не сделал... То, что ты решил завязать с выпивкой, понимаю и поддерживаю! Алкоголь в больших дозах — опасная вещь, если бы не он, ты бы справился с машиной. Лично я здорово испугалась, когда мы начали переворачиваться, падая в ту канаву».

Отправила.

— Привет, летунья! Собралась уже? — Серёга вернулся с ночного дежурства.

— Привет, почти. Пока ты будешь пить кофе, я все успею. Как прошла смена?

— Тихо и спокойно! Спал как убитый! — улыбнулся Серёга.

— Ну, настоящий пожарник!Я поковыляла в свою комнату. Телефон прожужжал уже несколько раз. Посмотрим...

«Так ты с ментами говорила?»

«Ты вообще ничего не помнишь?»

«Так-то мы с тобой почти 0,5 виски выпили за полчаса! Мы как упали, так почти сразу пить начали, ты тряслась как будто от холода, но тебя вискарь успокоил, тебе даже понравилось!»

«Что тебе врачи сказали?»

Ля, ты гладко застилаешь! Решил выставить меня в таком свете, чтобы я поверила, что напилась и где-то сама себе ногу неудачно подвернула? Продолжаем игру, где-нибудь ты всё равно спалишься! Я сделала глубокий вдох и написала ответ:

«Разрыв связок, гематома, сильный отёк. Две недели минимум в гипсе. Сейчас поеду к врачу, он назначит лечение. Как бы домой теперь добраться? Я в шоке, если честно. Я не могу ходить. Только начала спина восстанавливаться, и тут на тебе...»

«Хоть не перелом!»

«Так-то да, но блин. Как мне прожить эти две недели? Я очень расстроена»

«Я тоже. С машиной надо завтра разобраться. Менты ещё эти... До сих пор не могу в себя прийти»

«Машину очень жалко. А со мной вообще странная история — почему я не помню абсолютно ничего?»

«У меня у самого провалы...»

«Так может я не сама упала? А всё-таки ты виноват?»

«Хз вообще прям хз, Не исключаю, поэтому состояние у

меня сейчас паршивое».

Осталось немного дожать....

«Охренеть... Папа говорит, что я кричала на тебя, потому что ты якобы наехал мне на ногу... Но на чём?»

«На экскаваторе мож... Может ты там рядом где-то ходила?..»

«Чего?!?»

«Блин аж страшно! Не хочу думать об этом...»

«Меня сейчас саму просто холод прошиб... А Макс то рядом же был? Он то по любому все помнит!»

«Говорит, что ты у меня в слепой зоне была...»

«Так это все-таки ты???!!!»

«Можно не буду думать пожалуйста? Я хз у меня самого отрывки».

Вот и приехали! «Можно не думать». Можно! Не думай, у тебя с этим не очень получается!

— Маша, ты готова? — раздался голос Серёги из кухни.

— Да, иду! — Я быстро натянула джинсы и свитер, оседлала свою швабру и выскочила из комнаты. Внутри все кипело — он мне соврал! Два раза! А сам всё это время знал правду и пытался переписать сценарий, чтобы обелить свою трусливую задницу! Уууух, сука, скорей бы добраться домой, к алтарю! Я тебе устрою!

Серёга домчал меня до отделения соцпомощи быстро. Я вылезла из машины, опираясь на швабру, и поковыляла внутрь. Очереди не было, повезло. Меня недолго расспра-

шивали, дали заполнить несколько бумаг, и в итоге выдали настоящие костыли. Стало гораздо легче передвигаться.

До приёма врача оставалось чуть больше часа. Серёга пошёл в МФЦ за какой-то справкой, а я осталась сидеть в машине. Волна злости немного улеглась и я решила дать этому идиоту шанс немного реабилитировать себя. Отправила смс:

«Мне нужно с тобой серьёзно поговорить.»

Ответ пришёл через несколько минут.

«Что случилось ? Что хирург сказал?'»

«Да ничего он ещё не сказал, у меня приём через час. Я боюсь. Получается при травме было давление, правильно? Я то врачам говорю, что упала, они и не смотрят мягкие ткани должным образом. А если скажу, подставлю тебя, а я этого не хочу.»

«Скажи в "0" была, смутно все помню. Да, это хреново.Уже с корефаном разговаривал говорю пить завязываю, но ничего не говорил о том, что произошло»

Ещё бы ты кому-то рассказал! Бля! Ты всерьёз считаешь , что проблема в том , что мне сказать врачу? Точно идиот! Я хмыкнула и продолжила переписку:

« Я итак не помню, болевой шок и амнезия в моей ситуации нормально. Ты мне лучше скажи, у тебя есть врач, который сможет меня осмотреть и держать язык за зубами?»

«А кто тебя смотрит ?»

«Милохин»

«Так это друг мой! Хорошо я поговорю с ним»

«Илья, у тебя есть час. Расскажи ему что случилось, аккуратно. Может мне МРТ надо сделать, вдруг там из-за давления серьёзные повреждения сосудов или других тканей. Там много неприятных моментов может быть: Повреждение сосудов — тромбы, плохое кровообращение.Повреждение нервов, некроз, инфекция. Отёк может пережать сосуды... Много чего может быть короче нехорошего, я не хочу рисковать своим здоровьем, чтобы прикрыть твою задницу!»

«Жесть! Поговорю»

Я отложила телефон и уставилась в окно. В голове снова зазвучал тот самый внутренний голос, холодный и спокойный:

«Мария, тебе же не нужен земной суд? Зачем тебе менты и суды, где он может откупиться, договориться, выкрутиться? Ведь ты хочешь, чтобы он ответил по-настоящему. Ты хочешь, чтобы он прочувствовал. Значит, ты сама должна стать этим судом...»

— Это я успею, мне бы только домой добраться,— произнесла я вслух. — а пока поиграем и посмотрим, использует ли он свой шанс.

Глава 6

До приёма у хирурга оставалось ещё около часа. Телефон молчал.

«Ну давай, — думала я, глядя в окно на серую улицу. — Давай. У тебя есть время. Ты можешь позвонить своему другу. Можешь сказать ему правду, признать, что ты, пьяный, сел за экскаватор и покалечил женщину. А потом зассал и спрятался. Можешь?»

Я усмехнулась. Сама себе.

«Нет. Не можешь. Ты никогда не сможешь. Ты — пень трухлявый. Надеешься, что всё рассосётся само. Что кто-то другой возьмёт на себя ответственность».

Прошло десять минут. Двадцать.

Телефон молчал.

Я видела, как на экране появилось уведомление: «Илья печатает...». И тут же пропало. Потом снова: « печатает...». И снова пропало.

Он писал. Стирал. Писал снова. Он не знал, что сказать — боялся?

В этот момент я поняла, что ждать больше нечего.

Я закрыла глаза. И в голове снова прозвучал этот голос, холодный и спокойный:

«Мария. Он не позвонит. Он никогда не позвонит. Он будет тянуть до последнего, а потом скажет, что "не дозвонил-

ся" или "было неудобно". Он трус. А ты — Ведьма. И ты это знала с самого начала».

Я открыла глаза. Убрала телефон в карман. Вздохнула, всё таки я до последнего верю в людей, наверное зря...

Серёга вернулся через пятнадцать минут.

— Ну что, готова? — спросил он, садясь за руль.

— Готова, — сказала я. — Поехали.

До поликлиники добрались быстро — городок небольшой, всё рядом. Серёга высадил меня у крыльца и поехал парковать машину. Я поковыляла внутрь, опираясь на костыли. В коридоре пахло хлоркой и болезнями.

Я села на лавочку у кабинета и достала телефон. Открыла переписку с Ильёй. Новых сообщений не было.

«Поговорю». Не «поговорил». Не «уже всё решил». А «поговорю». Обещание. Пустышка. Время подходило к концу. А может, он всё-таки позвонил? Просто мне пока ничего не сообщил... Посмотрим, что скажет врач.

Меня вызвали через десять минут.

В кабинете меня встретил Александр Валерьевич. Мужчина примерно моего возраста. Усталые глаза, аккуратная стрижка, привычка барабанить пальцами по столу. Он был другом Ильи. Я это знала. А он — нет.

И самое главное — я надеялась. Надеялась, что Илья всё-таки позвонил ему. Что он собрал яйца в кулак и сказал правду. Что хотя бы здесь он повёл себя как мужик.

— Так, Мария Сергеевна, — он развернул снимки на мо-

ниторе. — Что у нас? Растяжение, гематома, подвывих. Перелома нет, это хорошо.

Он говорил стандартные фразы. Спокойно. Профессионально. Ничего не выдавало того, что он знает о механизме травмы. Или всё таки не знает?...

— Александр Валерьевич, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Можно с вами конфиденциально?

Он поднял на меня глаза.

— Слушаю.

— Дело в том, что сначала я ничего не помнила, а теперь у меня начали возвращаться обрывки памяти. Я вспомнила, что при травме было давление. Сильное. Кажется, на меня наехало колесо.

Я смотрела на его лицо. Ждала.

Ждала, что он скажет: «Да, мне Илья говорил». Или: «Я в курсе, он звонил».

Он молчал. Смотрел на меня. И в его глазах было только удивление.

— Колесо? — переспросил он. Голос был ровным.

И в этот момент я всё поняла.

Он не звонил. Илья не позвонил ему!

Он прочитал моё сообщение, написал «Поговорю» — и зассал.

Внутри меня что-то оборвалось. Громко так. С грохотом. Так, что заложило уши. Только никто, кроме меня, этого грохота не услышал.

«Ну что ж, — подумала я, глядя на врача. — Значит, вот так. Ты не просто трус, пустое место. Ты не способен даже на то, чтобы позвонить и сказать правду своему другу. Ты предпочёл, чтобы я всё сделала сама. Чтобы я снова взяла на себя ответственность за твою трусость. Что ж. Я возьму. Но тебе, сучёнок, это дорого обойдётся!»

— Мария, — сказал врач, — вы понимаете, что это меняет картину? Сдавливание — это не ушиб. Это риск повреждения сосудов, нервов, компартмент-синдром. Это уже совсем другая история. Вы точно уверены в своих воспоминаниях?

Я кивнула.

— Да. Уверена. Человек, который это сделал, он... он подтвердил факт. Не сразу, но всё же.... Я всё понимаю — опасность и риски поэтому и говорю вам. И ещё... Я не хочу ломать ему жизнь. Я не хочу писать заявление в полицию. Я просто хочу, чтобы моё здоровье было в порядке. Поэтому, пожалуйста, просто учитывайте этот факт при назначении лечения, а с ним пусть его совесть разбирается.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. И я видела, как в его голове что-то щёлкнуло. Он врач, видит снимки, мою покалеченную ногу и прекрасно понимает, что простое падение не даёт таких последствий. И теперь он слышит эти слова.

Он не знал, кто именно виноват. Но он понял, что виноват кто-то. И этот кто-то — трус.

— Хорошо, Мария, — сказал он наконец. — Дело ваше,

а этот момент мы учтём.

Он начал что-то печатать. Я смотрела на его руки, порхающие над клавиатурой, и чувствовала, как внутри меня поднимается волна холодного, мстительного удовлетворения.

«Ну всё, Илюша, — думала я. — Ты доигрался. Ты думал, что твоё молчание спасёт тебя? Нет. Оно тебя похоронило».

— Берегите себя, — сказал врач, объяснив мне схему лечения. — Через неделю жду вас на приём. — закончил он, протягивая мне назначения.

Я поблагодарила его и вышла из кабинета. В коридоре было шумно. А я шла, опираясь на костыли, и улыбалась.

Выйдя из поликлиники, я с наслаждением вдохнула полной грудью свежий, осенний воздух. В лицо ударил холодный ветер, принеся с собой запах мокрого асфальта и прелой листвы.

Серёга ждал меня у машины.

— Ну что, летунья? — он открыл мне дверь. — Какие новости?

— Лечиться будем, — вздохнула я, аккуратно усаживаясь на заднее сиденье. — Постельный режим назначили. И ещё куча всего.

— Поехали, заберём Владу, она уже освободилась, и пообедаем все вместе.

— Угу, а потом давай ещё заедем в церковь? — я мысленно перебирала свой инвентарь и поняла, что мне не хватает кое-каких мелочей для полноценного ритуала.

— Помолиться решила или в грехах покаяться? — хохотнул Серёга.

— Всё тебе знать надо. Поехали уже, Влада ждёт! — пробурчала я.

В этот момент зазвонил телефон. Папа.

— Машунь, ну что там у тебя? — голос у него был взволнованный.

— Всё хорошо, пап. Сегодня приеду домой. Вечерним автобусом.

— Вот и славно. Ты не переживай. Я сейчас к тебе поеду, печку растоплю. Продукты завезу. Еды наготовлю, чтобы ты приехала — и сразу за стол.

— Пап, не надо так суетиться...

— Надо, Мария, надо, — перебил он меня строго. — Ты сейчас одна в доме, со своей дрыг-ногой. Я приеду и всё сделаю. Ты главное — доедь спокойно. А может, лучше пока у меня поживёшь?

— Нет, папуль, я домой. Ты ж знаешь, там мои коты, цветы и Ян. Только не обижайся, ладно? Спасибо, ты лучший. До вечера!

Я нажала "отбой" и улыбнулась — папа самый надёжный человек в моей жизни. Моя настоящая опора.

Сначала нужно было заехать за Владой на работу. Она выпорхнула из своего офиса, плюхнулась на сиденье и сразу же затараторила:

— Маш, ты как? Болит? А врач что сказал? А МРТ надо

делать? Ой, кошмар, конечно...

— Влад, дай человеку дух перевести, — хмыкнул Серёга. — Видишь, она с костылями, а ты на неё с расспросами.

— А тебя никто не спрашивал! — Влада шутливо шлёпнула его по плечу и обернулась ко мне: — Удобные костыли? Научилась уже управляться с ними?

— Гораздо удобнее швабры, — улыбнулась я. — Спасибо, что подсказала выход.

— Да не за что, просто моя клиентка там работает, я от неё и узнала, что есть такая возможность. Вот информация и пригодилась.

Мы заехали в маленькое, уютное кафе с запахом выпечки и свежего кофе. Влада была голодная как волк, поэтому мы быстро сделали заказ и вскоре уже наслаждались вкусным обедом.

— Ну, рассказывай, — Влада накинулась на суп. — Ты чего домой-то собралась? Как ты там будешь с такой ногой? У тебя же печку топить надо каждый день. Дрова, воду таскать.

— Я справлюсь, Влад, — отрезала я. — Папа поможет. И вообще, я не собираюсь сидеть сложа руки.

— Слушай, может, останешься у нас? — предложила она. — Поживешь, пока нога не заживет. Места хватит.

— Нет, спасибо большое, — твердо сказала я. — Я заеду на следующей неделе, когда к врачу поеду. А сейчас мне надо домой.

Серёга оторвался от своей тарелки и посмотрел на меня с прищуром.

— Что-то ты подозрительно домой рвёшься, — сказал он.

— Скучаю я по морю, — сказала я, глядя в окно. — Понимаешь? Дома стены лечат. И вообще, — я чуть улыбнулась, — у меня там есть кое-какие делишки.

Влада перестала жевать и уставилась на меня.

— Делишки? — переспросила она. — Какие еще делишки? Ты еле ходишь на своих ходулях.

— Потом всё расскажу.

— Одни сплошные тайны! — возмутилась подруга. — Это как-то связано с тем, о чём мы говорили утром?

— Да, — я уткнулась в свой салат, всем своим видом давая понять, что тема закрыта.

Мне было неловко перед друзьями, но я не хотела втягивать их в это. Пришлось бы многое объяснять, а я к этому не была готова совершенно. Я вообще не люблю никому объяснять свои решения и поступки, порой даже самой себе.

Повисла неловкая тишина, прерываемая только звяканьем посуды и разговорами за соседними столиками.

— До автобуса ещё три часа, — заметил Серёга. — Чем займёмся?

— Мне надо заехать в церковь, а потом к вам забрать свои вещи, — включилась я.

— Ты не боишься, что тебя молния у церкви шарахнет? — развеселился Серёга.

— Угомонись! — нахмурилась Влада и снова внимательно посмотрела на меня. Я с самым невинным видом сделала глоток чая и уставилась в окно.

— Что ж я не могу сама себе свечку за здравие поставить? — я сделала максимально честные глаза, но все равно не смогла смотреть на друзей. — По-моему, ситуация подходящая.

— Можешь, конечно, — пробормотала Влада. — Ну что, едем? — она скомкала салфетку и решительно встала из-за стола.

Церковь стояла на пригорке — белая и тихая. Мы с Владой вошли внутрь, и я сразу почувствовала этот запах: воск, ладан, что-то старое и тёплое. Стояла мягкая, окутывающая тишина.

У входа сидела бабулечка за свечным ящиком. Смотрела устало, но с любопытством. Мы поздоровались.

— За здравие или за упокой? — спросила она.

— За здравие, — сказала я. — И ещё мне нужен ладан, уголь, просфора. И свечи, одиннадцать штук.

Бабулечка подняла бровь. Но ничего не сказала. Редкий случай. Однажды я пыталась купить красные иерусалимские свечи, так мне целый допрос устроили, пугая адским пламенем. Но свечи всё же продали.

Бабулечка сложила в пакет всё, что я просила, отсчитала свечи и бережно завернула их в бумагу. Я заплатила.

— Во благо, — в её глазах стоял немой вопрос.

— Во благо, — кивнула я и забрала пакет.

— Храни вас Господь.

— Спасибо, до свидания.

Влада стояла рядом. Я чувствовала, как она сверлит меня взглядом. Но молчала. При бабулечке — молчала. Умница.

Мы вышли на улицу. И вот тут Влада не выдержала.

— Маш, — сказала она тихо, но твёрдо. — Ты что задумала?

Я остановилась. Повернулась к ней.

— О чём ты?

— О том, что ты купила одиннадцать свечей, ладан, уголь и просфору. Ты что, порчу навести хочешь? На кого?

Я смотрела на неё. И внутри меня что-то вспыхнуло. Резко. Как спичка.

— Что-то ты три месяца назад не задавала таких вопросов, — сказала я, и голос мой был холоднее ветра, — когда я тебя из запоя вытаскивала? Когда я тебе отливки делала? Когда я твою душу из лап демона выдирала, который тебя мучил? Ты забыла, как ты по ночам кричала? Как ты не своим голосом разговаривала? Сколько ночей я из-за тебя не спала? Ту неделю, что ты у меня была? Ты забыла?!

Влада побледнела. Открыла рот. Закрыла.

А я уже не могла остановиться.

— Ты тогда не спрашивала, что я делаю. Ты просто верила. А теперь — спрашиваешь? Если ты видишь во мне угрозу, человека, способного на то, чтобы целенаправленно при-

чинить кому-то вред, зачем ты сегодня утром сама просила тебе отливку сделать?!

Тишина. Только ветер шумит.

И тут я выдохнула. Медленно. Как будто из меня воздух вышел весь. Волна гнева отхлынула также быстро как и пришла. Зачем же я так? Чувство стыда накрыло лавиной.

— Прости, — сказала я тихо. — Прости, Влад.... Я не должна была так...

Она смотрела на меня. И в её глазах стояли слёзы. Но она не плакала.

— Я не хочу, чтобы ты в это лезла, — сказала я. — Правда. Это моё. Я сама. Просто... не спрашивай. И береги себя. Пожалуйста.

— А ты? — спросила она. — Ты себя беречь не собираешься?

Я усмехнулась.

— Вот видишь, — сказала я. — Поэтому мне надо домой. Потому что я сейчас не в адекватном состоянии. Я могу такого натворить и наговорить, что потом сама не разберусь. Понимаешь?

Она кивнула. Медленно.

— Я не собираюсь никому делать плохо, — сказала я. — Правда. Я просто... хочу вернуть своё. Понимаешь? Своё. Прости меня.

Влада молчала. А потом шагнула ко мне и обняла. Крепко. Так, что я почувствовала, как она дрожит.

— Прости, — сказала она в моё плечо. — Я не должна была.

— И ты прости, — сказала я, крепко прижимая к себе дорогого человека. — Я тоже.

Мы стояли так, на ветру, у церкви. Две женщины. Одна с костылями. Другая с чувством вины. И обе — с грузом, который не каждая выдержит.

Потом Влада отстранилась, вытерла глаза.

— Поехали, — сказала она. — Надо забрать твои модные тапочки и всё остальное, потом купим билет и покатаемся немного по городу до автобуса.

Мы пошли к машине.

Глава 7

Мы подъехали к дому Влады. Серёга заглушил мотор.

— Так, — сказала Влада, открывая дверь. — Маш, ты сиди, не вылезай. Я сейчас вещи твои соберу и вынесу.

— Я могу помочь, — начала я.

— Сиди, — отрезала она. — У тебя нога. Не хватало еще, чтобы ты на лестнице навернулась. Она выскочила из машины и скрылась в подъезде. Серёга повернулся ко мне с переднего сиденья.

— Ну что, летунья, — сказал он. — Ты это... держись там. В своей деревне.

— Спасибо, Серёж, — улыбнулась я. — За всё. За то, что встретил, за то, что возил.

— Да ладно, — он махнул рукой. — Дело житейское.

Через десять минут Влада вышла, таща мою сумку и пакет с тапочками. Серёга вышел, чтобы помочь ей загрузить всё в багажник.

— Всё, — сказала Влада, отряхивая руки. — Серёж, ты иди, отдыхай. Тебе к смене готовиться.

— Ага, — Серёга зевнул.— Пойду, посплю пару часов. Мань, — он подошел и протянул мне руку. — Давай, выздоравливай. И если что — звони.

— Позвоню, — сказала я, пожимая его руку. Он развернулся и пошел к подъезду. Влада обошла машину и села за

руль.

— Так, — сказала она, пристегиваясь.

— Куда?

— К морю, — сказала я.

— Просто к морю. Хочу подышать.

Она кивнула, завела мотор, и мы поехали. Город остался позади. За окнами потянулись пригородные дороги, редкие деревья, осенние поля. Мы молчали. Подруга сосредоточенно смотрела на дорогу, а я — на проплывающие мимо пейзажи. Думать не хотелось ни о чём.Влада вела машину уверенно. Мы свернули с трассы, и машина поползла вверх по грунтовой дороге, петляющей между сопок. Наконец она остановилась на широкой площадке, и Влада заглушила мотор.

— Приехали, — сказала она.

— Выходи, тут красиво.

Я открыла дверь и, опираясь на костыли, выбралась наружу. В лицо сразу ударил свежий, соленый ветер. Передо мной открывался вид, от которого захватывало дух. Внизу, под обрывом, раскинулось море — бескрайнее, спокойное, пронзительно-синее. Почти у самого берега из воды поднимались три каменных исполина, темных и молчаливых, словно стражи, охраняющие побережье. Их силуэты четко вырисовывались на фоне светлого неба. Вдалеке виднелся скалистый мыс, а за ним — бескрайняя даль.

Я стояла и смотрела на эту красоту, чувствуя, как внутри меня всё замирает. Где-то там, внизу, шумел прибой, крича-

ли чайки, и ветер трепал мои волосы. И в этом величии природы все мои проблемы казались такими мелкими, такими незначительными.

Влада подошла и встала рядом. Мы обе молчали, глядя на море.

— Маш, — вдруг сказала она тихо. — Ты знаешь, я не буду настаивать. И выпытывать, что ты там задумала. Это твоя жизнь.

— Спасибо, — сказала я.

— Но, — она замялась.

— Я всё равно хочу поговорить. Не как подруга, которая лезет не в своё дело. А как человек, который за тебя искренне переживает.

Я повернулась к ней.

— О чём?

— О твоей деревне, — Влада вздохнула.

— Маш, ты там уже год. Год, как ты ушла от своего бывшего. Ты доказала, что можешь без него. Ты доказала, что ты сильная. Но... — она тщательно подбирала слова.

— Время идёт. Мы не молодеем. И я боюсь, что ты там одна зачахнешь. С твоей ногой, с этим ремонтом. Это же каторга.

— Я справлюсь, — сказала я.

— Я знаю, что справишься, — Влада посмотрела на меня.

— Но зачем? Зачем тебе эта каторга, если можно жить в городе? С удобствами, с больницей рядом, с нами. Ты могла

бы снимать квартиру. Или купить комнату. Ты же не привязана к этому дому.

Я закрыла глаза. И в этот момент почувствовала, как во мне поднимается волна протеста.

— Привязана, — сказала я тихо.

— Очень привязана.

— Почему? — Влада не сдавалась.

— Что в нём такого? Стены, которые надо чинить каждый год? Печка, которую надо топить? Вода, которую надо таскать?

Я молчала. Я не могла ей объяснить. Не могла сказать, что этот дом — это не просто стены. Это моя крепость. Это моя связь с предками, которые когда-то залили фундамент и построили на нём этот дом, и жили в нём до самой смерти. Это место, где я могу быть самой собой, без чужих глаз и чужих ожиданий. Я не могла сказать, что именно здесь, в этой тишине, я слышу их голоса, чувствую их защиту и поддержку.

— Влад, — сказала я наконец.

— Я не могу объяснить. Просто... это мой дом. И я должна там быть.

Она вздохнула.

— Ладно. Твоя жизнь.

— Знаешь, — сказала я. — Я чувствую, что скоро что-то изменится.

— Что? — спросила Влада.

— Пока не знаю, — я улыбнулась.

— Но что-то точно. И я хочу встретить это в своём доме.

Влада посмотрела на меня. И в её глазах было что-то такое... Понимание. Мы постояли на смотровой еще немного, глядя на море, а потом Влада вздохнула.

— Поехали, — сказала она.

— А то на автобус опоздаем.

Обратная дорога прошла быстро. Мы болтали о всякой ерунде: о погоде, о том, что зима, кажется, будет ранней, о том, какие сейчас цены на бензин — охренеть, солярка уже дороже бензина стала, дожили! Я слушала её и кивала, но мысли мои уже были далеко.

На автовокзале было шумно и людно. Влада купила мне билет, занесла сумку в салон и помогла забраться по ступенькам.

— Ну, всё, — сказала она, стоя у открытой двери.

— Напиши, как доедешь.

— Обязательно, — сказала я.

Она на секунду замялась, а потом крепко обняла меня.

— Ты там это... не натвори глупостей, ладно? — прошептала она.

— Я не буду делать глупостей, Влад, — улыбнулась я.

— Я просто буду делать то, что должна.

Она кивнула, вытерла глаза и вышла. Двери автобуса закрылись.Я наконец-то осталась одна, наедине со своими мыслями. До отправления было еще минут десять. Я достала телефон, открыла браузер и быстро набрала в поисковике:

«квантовое бессмертие».Экран замер, загружая страницы. Я смотрела на ползунок интернета и понимала, что как только автобус выедет за город, связи не будет. Поэтому мне нужно было скачать всё сейчас.Статьи, форумы, гипотезы, теории...

Я быстро открывала вкладки, сохраняла, читала вводные абзацы. Суть была в том, что с точки зрения квантовой физики (в интерпретации Эверетта), каждый раз, когда человек умирает, его сознание «перескакивает» в ту реальность, где он остался жив. То есть, мы не умираем. Мы просто переходим в другую ветку.Я смотрела на эти строки и чувствовала, как у меня холодеют пальцы.

«Значит, это правда... — думала я. — Значит, я не сошла с ума. Я просто перешла в другую ветку. И мои сны, и этот серый туман, и голос, который сказал "Рано"... Это всё объясняется».

Автобус тронулся. Я отложила телефон с сохраненными статьями, закрыла глаза и прислонилась затылком к холодной спинке сиденья. Впереди было четыре часа дороги. Четыре часа на то, чтобы всё обдумать.

Телефон пиликнул. Илья.

«Я не смог дозвониться Милохину, не успел, машину чинил, кстати, завёл! Дыму было пиздец!»

— Охуеть, — сказала я вслух. Бабка через проход покосилась. Я улыбнулась ей самой милой улыбкой, на которую была в этот момент способна. Она отвернулась.

Я уставилась на экран. В голове зашумело. Ты и правда

думаешь, что мне интересно, чем ты там был занят?!Я могла бы написать ему сейчас: «Да ты охуел?!». Но я не стала. Я решила поиграть. Пусть думает, что я поверила в его «не смог». И вообще верю ему и надеюсь на его порядочность. Посмотрим, как далеко он зайдет.

«Понимаю. А почему было много дыму? Когда ты точно сможешь поговорить с врачом?»

Он прочитал сразу. И ответил через три минуты:

«Масло же вытекло. Завтра наберу его. Попросить МРТ?»

«Завтра».

Опять «завтра». У людей, которые боятся брать ответственность, всегда есть «завтра».

«Не тяни, пожалуйста, это моё здоровье. Расскажи ему, откуда травма, и спроси, что надо делать. Спроси, может, МРТ нужно. Но если да, то это тебе меня и везти придётся. Я на этих костылях еле передвигаюсь, спина же ещё не восстановилась»

«Хорошо, нога так и ноет?»

«Да »

Я положила телефон экраном вниз и закрыла глаза. Инфантильный ублюдок! Я тебя уничтожу! Я прекрасно понимала, что он не позвонит, не поговорит. И не признается. Он будет тянуть до последнего, пока я сама не начну задавать неудобные вопросы. Ему же хуже!

План ритуала сформировался окончательно — я не буду делать никакой порчи и никаких проклятий не нашлю, я вы-

ше всей этой чернухи. Он сам себя закопает, своими же руками, а я просто немного помогу.И внутри меня что-то тихо, зло рассмеялось.

Автобус бодро мчался по вечерней дороге, и я уставилась в окно. За стеклом проплывал осенний город — молодая мамочка с коляской, бабуля с важной, толстой таксой на поводке в смешном, пёстром комбинезоне, группа студентов смеялась у пешеходного перехода — видимо, уже с лекций идут, счастливые, молодые, у них жизнь только началась.

Автобус тряхнуло на кочке, нога отозвалась тупой болью. «А что, если это не глюк? — подумала я. — Что, если я действительно перескочила? Что, если каждая моя смерть — это просто дверь, которая захлопывается за спиной, а я иду дальше, в следующую комнату, где всё ещё жива?»

Я снова открыла телефон. Нашла ещё одну статью. Прочитала:«Даже сторонники теории признают: она не объясняет, почему мы стареем и умираем от болезней. Если смерть — не момент, а процесс, то куда девается сознание в промежуточных состояниях? И главное — теория непроверяема. Нельзя провести эксперимент, в котором человек сознательно перемещался бы между ветвями».

Ну и похуй. Мне не нужен проверяемый эксперимент. У меня есть раздавленная нога, дырка в памяти и голос, который сказал «рано». Это повесомее любого эксперимента.Я откинулась на спинку сиденья. Значит, так. Если я — та, кто всегда выживает в этой ветке, то что это меняет?Много-

е.Во-первых, я уже умирала. Не один раз, может быть. Каждый раз, когда я была на волосок от смерти — а я, если честно, за свою жизнь бывала на волосок чаще, чем хотелось бы — я, возможно, умирала в одной ветке и просыпалась в другой. Просто не помнила. А в этот раз — запомнила. Почему-то.

Во-вторых, если я всегда выживаю, то мне можно всё. Ну, в смысле, не «всё» в плане прыгать под поезд и прочего суицидального бреда — наверное нет, да и на фиг мне не надо такого. А в том, чтобы не бояться. Не бояться Илью. Не бояться ментов. Не бояться, что этот урод что-то сделает со мной ещё раз. Потому что в каждой новой ветке — я выживу. Всегда.

В-третьих — и это было самое холодное, самое трезвое — если я всегда выживаю, то в какой-то ветке я не выжила. В какой-то ветке экскаватор раздавил меня насмерть, и Илья остался там. С этим. Живой. И, возможно, даже не понял, что произошло.А в этой ветке — он недобил. И думает, что всё сойдет с рук, как будто разборки с полицией и лишение водительских прав это самое страшное, что может с ним в этой ситуации произойти.

Я усмехнулась. В окне отразилась моя улыбка — не самая добрая.«Значит, — подумала я, — у нас с тобой, Илюша, разные ветки. В твоей — ты меня убил и живёшь дальше. В моей — ты меня покалечил и думаешь, что отделался. Но, сука, ты не отделался. Потому что в этой ветке я — та, кто

всегда выживает. И я найду способ, как сделать так, чтобы ты прочувствовал то же самое. Не через ментов или через суд. А по-настоящему».

Я закрыла глаза. Автобус качнуло. Нога ныла. «Квантовое бессмертие, — подумала я. — Звучит как название порнофильма для физиков. А на деле — просто ещё один способ сказать: "Ты, Мария, всегда выживешь. Вопрос только в том, кем ты выйдешь из этой комнаты"».

Глава 8

Солнце клонилось к закату. Автобус катился на выезд, собирая по остановкам замёрзших пассажиров с их сумками, разговорами и планами. Салон постепенно заполнялся.

Я достала наушники, вставила их в уши и включила свой любимый плейлист. Heilung. Тяжелый, ритуальный ритм бубнов, горловое пение. Мне нужно было отключить голову. Хотя бы на пару часов, слишком много всего произошло. Я закрыла глаза, откинула спинку сиденья и попыталась расслабиться. Дорога пока была ровной, автобус мягко покачивался, и усталость, накопившаяся за этот бесконечный день, наконец-то взяла свое. Я провалилась в сон.

Сначала не было ничего. Только темнота и ритмичный бой бубна из наушников. А потом я увидела его. Черный силуэт. Огромный, вроде и бесформенный, но при этом пугающе человекообразный. Он появился из ниоткуда и медленно шел ко мне. Я отпрянула. И тут же поняла, что нахожусь в каком-то лабиринте. Тёмные коридоры, стены из тумана, и силуэт, который движется прямо на меня. Я нырнула за угол. Прижалась спиной к холодной стене. Сердце бешено колотилось. Я слышала его шаги. Такие тяжелые и медленные, они неотвратимо приближались.

— Где ты? — прошелестел голос.

— Я знаю, что ты здесь. Выходи.

Я затаилась. Как тогда, в первом сне. Не шевелиться. Замереть. Переждать. Он уйдёт. Шаги стихли. Прямо за моим углом. Я чувствовала его присутствие. Холодное и давящее.

«Зачем ты прячешься? — снова прошептал голос. — Ты же сама меня позвала. Я здесь. Я пришел помочь. Скажи мне, чего ты хочешь».

Я затаила дыхание. «Никого я не звала, — промелькнула мысль. — Я и сама могу...»

— Да что ты можешь?! — он внезапно возник передо мной и посмотрел мне прямо в лицо.

Боже, какими страшными, жуткими, нечеловеческими были его глаза! В них не было радужки и зрачков. Там бушевало пламя. И это был даже не огонь, а что-то более тёмное. Там клубились тени, вспыхивали и гасли какие-то искры, мелькали лица. Тысячи лиц. Искаженных болью, страхом, злобой. В этих глазах был заключен целый ад, и он наблюдал за мной оттуда, из самой глубины. Казалось, если смотреть в эти глаза слишком долго, они просто затянут меня внутрь, и я утону в этой бездне.

Ледяной ужас сковал моё тело.

— Чего ты хочешь?! — он схватил меня за горло и повторил свой вопрос.

— Просто скажи мне «да»!

Он приблизился к моему лицу, и я снова ощутила его дикое вожделение. Оно обволакивало меня, липло к коже, пытаясь проникнуть внутрь. Это было желание не мужчины, а

хищника, который смотрит на свою добычу. И от этого осознания меня замутило.

Фу... Нет!

— Говори!!! — Он встряхнул меня как куклу, наклонился еще ближе, сжал моё горло сильнее, и меня окатило волной токсичной, удушающей похоти. Она была настолько осязаемой, что казалось, будто она течет по моим венам, отравляя кровь. Я чувствовала, как мое тело предательски отзывается на эту темную энергию, как оно хочет поддаться чужой воле, и это пугало меня больше всего.

— Ничего, — прохрипела я, пытаясь оторвать его руки.

— Я сама.

Он усмехается. И сжимает меня сильнее.

— Ты слишком слабая и жалкая, у тебя не хватит сил. Просто скажи мне «да», и всё встанет на свои места.

Он наклонился к моей шее и жадно вдохнул. От него исходил голод тёмной сущности, которая хочет поглотить мою душу. Я чувствовала, как он вдыхает мой запах, страх и мою злость. И это возбуждало его аппетит ещё больше.

— Так скажи же мне... чего ты хочешь?

Я пытаюсь вдохнуть, но не могу. В ушах шумит, перед глазами темнеет. И в этот момент раздаётся оглушительный визг тормозов. Моё тело съезжает с сиденья, ногу пронзает нестерпимая боль. Как же я была ей рада! Глаза распахнулись сами собой.

Я в автобусе. За окном темно — солнце уже скрылось.

В наушниках всё ещё играет Heilung. Я тут же сняла их и осмотрелась вокруг, пытаясь сесть удобнее и понять, что произошло.

— Какого хрена?! — рявкнул кто-то сзади.

— Ты че так резко тормозишь?

— Мужик какой-то выскочил! — крикнул водитель.

— Стоит на дороге, руками машет.

Я медленно выдохнула, потирая лоб. Нога ныла тупой болью.

«Это был сон. Всего лишь сон», — думала я, но сердце всё ещё колотилось где-то в горле. Я чувствовала на шее фантомную тяжесть его пальцев. И этот липкий, чужой голод, от которого до сих пор сводило внутренности.

Двери автобуса с шипением открылись. И в салон буквально влетел мужчина. Высокий блондин, в расстёгнутой куртке, с рюкзаком на одном плече. Он тяжело дышал, лицо было красным, но симпатичным.

— Простите, пожалуйста! — выпалил он, оглядывая салон.

— Вы до Туманово идёте?

— Идём, идём, — буркнул водитель. — Проходи давай, не задерживай.

Мужчина огляделся в поисках свободного места. Свободных мест было всего два. Одно — прямо рядом со мной. Он подошёл, снял рюкзак с плеча и посмотрел на меня. Увидел мои костыли, прислонённые к окну, загипсованную ногу, и

на его лице отразилось смущение.

— Извините, — сказал он тихо. — У вас тут свободно?

Я вздохнула. Внутри всё ещё клокотала злость после сна. Мне хотелось, чтобы меня никто не трогал. Но я понимала, что он не виноват.

— Садитесь, — сказала я, подвигая ноги и прижимаясь к окну.

Он сел рядом, стараясь не задеть меня. Автобус снова тронулся, и нас начало трясти.

— Ещё раз извините, — сказал он, поворачиваясь ко мне.

— Я просто опаздывал, чуть не пропустил автобус...

— Да ладно, не за что извиняться, — махнула я рукой.

— С кем не бывает.

Я отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен. Мне нужно было подумать и понять, что это был за сон. И почему этот черный силуэт так похож на...

— Меня Александром зовут, — вдруг сказал он, протягивая руку.

— А вас?

Я посмотрела на его руку. Потом на его лицо. У него были серо-голубые глаза. Необычные, как ртуть или вода — смотришь в них, а видишь не его, а себя. Свою собственную усталость, свою злость. И от этого становилось немного не по себе. И где-то в глубине души, той самой, где ещё минуту назад бушевал ужас, что-то тихо шевельнулось.

— Мария, — сказала я, пожимая его руку. Рука оказалась

тёплой, даже горячей.

— Очень приятно, — Александр улыбнулся, и улыбка у него была приятная, но какая-то… извиняющаяся, что ли.

— У меня там, на дороге, реально паника началась. Думал, всё, не успею.

— Не успеете куда? — спросила я, больше из вежливости, чем из интереса. Мне хотелось вернуться в свои мысли, к этому черному силуэту и квантовому бессмертию. Александр помолчал. Посмотрел в окно, потом на свои руки.

— Да я сам не знаю, — сказал он честно. — Ищу кое-кого. В Туманово. Говорят, там женщина живёт. Говорят, она… — он замялся, подбирая слово, — …особенная. Может помочь.

Я медленно повернула голову. Внутри всё сжалось в пружину. «Да ты издеваешься!» — подумала я. Я только что сбежала от своей смерти, у меня в голове сидит демон, я сама хочу придушить кое-кого, а этот блондин с пустыми глазами ищет меня же, чтобы я починила его жизнь?

— А зовут её как? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал максимально равнодушно.

— Точно не знаю, — он пожал плечами.

— Вроде Мария. Местная ведьма, экстрасенс или что-то в этом роде. Вы не слышали о такой?

Мне стало душно. Я чувствовала, как от него исходит эта тягучая энергия нуждающегося человека. Он смотрел на меня с надеждой. И эта надежда меня душила. У меня не было ни капли ресурса, чтобы быть для него спасательным кру-

гом. Я сама сейчас тонула.

— В Туманово много всяких женщин живет, — сказала я сухо, отворачиваясь к окну.

— Но про экстрасенсов я ничего не слышала. Я там недавно. И вообще, я в это не верю.

— А, — выдохнул он. И в этом коротком «а» было столько разочарования, что мне даже стало стыдно и его немного жаль. Но жалость — это роскошь. А я сейчас не могла себе её позволить.

— Извините, — сказала я, доставая наушники. — Мне нужно поспать. Нога болит.

— Да, конечно, — он сразу отстранился, прижался к спинке сиденья.

— Извините.

Я вставила наушники в уши, даже не включив музыку. Просто чтобы отгородиться. Закрыла глаза, чувствуя, как сердце всё ещё колотится где-то в горле.

«Он едет ко мне, — думала я, слушая, как шумит дорога. — чтобы я его спасла. А я даже себя спасти не могу».Я чувствовала его взгляд. Он смотрел на меня ещё пару секунд, а потом отвернулся.Я напряженно думала. Мне нужно было собраться с силами. Потому что если он найдёт меня там, в моём доме, я не смогу просто отмахнуться от него. Что-то было в нём знакомое, но мне сейчас не до этого!..

Автобус мчался в темноту, унося нас двоих в одну и ту же точку. И я, кажется, начала понимать, зачем я вернулась.

Мы въехали в Туманово, когда уже совсем стемнело. За окном мелькали редкие фонари и тёмные силуэты домов.

— Приехали, — объявил водитель.

Александр зашевелился рядом, доставая свой рюкзак.

— Вам помочь? — спросил он.

— Да, помогите, пожалуйста, — кивнула я, понимая, что с вещами и костылями одновременно я вряд ли справлюсь.

Он взял мою сумку и пакет, вышел первым и помог мне выбраться из автобуса. На улице было холодно и сыро.

— Машунь! — раздался знакомый голос.

Я обернулась. У обочины стоял папин джип, а сам папа уже шёл ко мне навстречу, широко улыбаясь.

— Папа! — я обняла его, чувствуя, как от него пахнет бензином и родным домом.

— Ну, наконец-то, — он похлопал меня по спине, потом посмотрел на мою ногу и покачал головой.

— Допрыгалась, блудная дочь.

— Допрыгалась, — усмехнулась я.

Александр стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу.

— Это Александр, — сказала я, кивнув в его сторону. — Мы в автобусе познакомились. Он помог мне с сумкой.

— Спасибо, мужик, — папа протянул ему руку, и Александр её пожал.

— Дальше мы сами.

— Да не за что, — Александр отдал папе мои вещи.

— Я тут у знакомых остановился, так что... — он посмот-

рел на меня и улыбнулся. — Наверное, ещё увидимся.

— Может быть, — сказала я вежливо.

— Спасибо вам и всего доброго!

Он кивнул, развернулся и пошёл в сторону центра. А я смотрела ему в спину и думала: «Только тебя мне сейчас не хватало».

— Поехали, — сказал папа, помогая мне забраться в джип. — Дома Ян уже заждался, кот недовольный, печка трещит и ужин готов.

Мы поехали по знакомой грунтовке. Я смотрела в окно и чувствовала, как напряжение уходит. Дома. Наконец-то дома.

Ян выскочил навстречу и, радостно повизгивая, запрыгал вокруг меня, облизывая мне руки.

— Уйди, уйди, — смеялась я, пытаясь его оттолкнуть. — Я тебя тоже люблю, но ты меня сейчас уронишь.

Папа занёс мои вещи в дом. Я зашла следом и сразу почувствовала родной запах — дерево, сушеные травы, что-то вкусное. Мой дом.

— Иди мой руки, — сказал папа. — А я на стол накрою.

Я доковыляла до ванной, умылась и посмотрела на себя в зеркало. Бледная, уставшая, с растрёпанными волосами. Но глаза... в них было что-то новое, такое холодное и решительное.

— Ну что, Ведьма, — подмигнула я своему отражению. — Готова?

Мы сели ужинать. На столе дымилась жареная картошка с мясом, стояли солёные огурцы и свежий хлеб. Пахло так, что у меня закружилась голова от голода.

— Ну, рассказывай, — папа сел напротив, но в его голосе не было ни давления, ни допроса. Он просто спросил. — Что врачи говорят?

— Связки, гематома, подвывих, — я перечислила всё это спокойно, как будто читала сводку новостей. — Через неделю на приём. Сказали, что заживёт, но не быстро.

— А как нога? — он кивнул на мою загипсованную лодыжку. — Сильно болит?

— Болит, — честно ответила я. — Но терпимо.

Папа кивнул и положил себе ещё картошки.Мы ели молча. Ян лежал под столом, положив голову мне на здоровую ногу. За окном шумел ветер, и где-то далеко лаяла собака.

— Ты это, — папа вдруг замялся, но потом всё-таки сказал, — ты не переживай. Всё наладится.

Я посмотрела на него. Какой же он у меня классный! Он никогда не спрашивал того, о чём я не хотела говорить, пока я сама не начну, не лез с ненужными советами. Вот и сейчас он просто сказал, что всё наладится.И за это я была ему благодарна больше, чем за любые слова утешения.

— Спасибо, пап, — сказала я тихо. — Я знаю.

Он улыбнулся — уголками губ, по-своему, по-мужски. И снова уткнулся в тарелку.После ужина я помогла ему убрать со стола. Точнее, помогла — это громко сказано. Я сидела на

стуле и подавала ему тарелки, а он относил их в раковину.

— Ты иди, ложись, — сказал он. — Я сам тут всё приберу.

— Пап, я не устала, — соврала я.

— Иди, — он посмотрел на меня внимательно — Ты с дороги. Иди, отдохни.

Я кивнула и поковыляла до своей комнаты, там переоделась в домашнее — мягкие штаны и старую футболку. Нога всё ещё ныла, но после еды и тепла боль стала глуше, терпимее. В дверь комнаты тихо постучали. Папа заглянул, уже одетый в куртку.

— Ну всё, Машунь. Посуду я помыл, там всё убрал. Трубу закрыл, — он перечислил всё это деловито, как отчёт сдавал.

— Давай, поехал я. Отдыхай. Завтра позвоню.

— Спасибо, пап, — сказала я, поднимаясь, чтобы проводить его. Мы вышли на крыльцо.

— Да, чуть не забыл, — он остановился. — Твою сумочку Илья привёз. Ты в его машине оставила. Я её в прихожей повесил.

— Спасибо, — сказала я.

Он обнял меня, кивнул и пошел. Я закрыла за ним дверь, постояла немного, слушая тишину, а потом пошла в прихожую. Сумочка висела на вешалке для курток. Небольшая, кожаная, для телефона, помады и прочих женских мелочей. Я подхватила её и поковыляла в мастерскую, к своему алтарю.

Моя мастерская — это сердце дома. Здесь я проводила больше времени, чем где-либо ещё. У окна стоял компьютер,

на подоконнике — телескоп, в который я иногда смотрю на луну и звёзды. На полках — выжигатель по дереву, гравировальная машинка с кучей разных насадок, коробки с инструментами. Различные природные материалы для амулетов, оберегов и просто поделок. Была даже огромная коряга, из которой я хотела сделать шаманский посох, выше моего роста, пока она терпеливо дожидалась своего часа. Куча тетрадей и блокнотов с моими записями, море книг. А на стене — мои грамоты и благодарственные письма за былые заслуги и ещё лук со стрелами. Обычная жизнь обычной женщины.

Но был здесь и особенный угол. Тот, который я никому не показывала. Мой алтарь.

Я принесла пакет из церковной лавки и начала раскладывать всё на алтаре. Одиннадцать свечей. Ладан. Уголь. Просфора. Следом добавились красная нить и соль. Каждый предмет ложился на своё место с глухим стуком. Как будто падали кости на игральную доску. Но чего-то мне не хватало...

Я посмотрела вокруг, и мой взгляд упал на сумочку, которую я зачем-то принесла с собой. Я вытряхнула всё содержимое на стол. Косметичка, блокнот, зарядка, какие-то бумажки. И тут я на секунду замерла.

Передо мной лежал гребень. Обычный деревянный гребень, который я всегда носила в сумочке. Я взяла его в руки. И в тусклом свете лампы увидела на зубьях светлые, длинные волосы.

Блондинистые. Тонкие.

Я вспомнила. В ту ночь, когда мы сидели в машине, Илья спросил у меня расчёску. Он причёсывал свою чёлку, поправлял её, глядя в зеркало заднего вида, и это раздражало меня даже тогда. И вот теперь его волосы лежали у меня на ладони. Я зажала гребень в руке и громко, зло расхохоталась.

— Ну, здравствуй, Илюша, — прошептала я, глядя на светлые волоски. Ты сам дал мне всё, что нужно.

Я положила гребень на алтарь, рядом со свечами и чёрной тетрадью. В окно проникал мягкий лунный свет. Убывающая. Как раз то, что надо!Пора было начинать.

Глава 9

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Все описанные в тексте ритуалы и практики не являются достоверными и не могут использоваться как инструкция. Берегите себя и не занимайтесь глупостями, лучше обращайтесь к профессионалам.

В мастерской было тихо, только ветер шуршал за окном. Пахло старой древесиной, пылью и немного — воском.

Я взяла красную нить. Отмотала кусок — на глаз, сантиметров двадцать. Отрезала. Кончик нити сразу начал лохматиться, и я машинально подпалила его зажигалкой, чтобы не распустился.Потом взяла гребень.Волосы Ильи запутались между зубьями. Светлые, тонкие. При мысли о том, что нужно взять эту волосину в руки, меня затошнило. Нет, так не пойдёт!

Я поскакала на кухню и надела виниловые перчатки чёрного цвета. Удобно в них — и с тестом работать, и котлетки лепить, и, как оказалось, мудаков наказывать. Вернулась в мастерскую, села к алтарю и вытянула один волосок. Он был длинный, почти прозрачный на свету. Мои губы сжались в напряжении — перед глазами возникла картина, как он деловито укладывал свои сосульки перед зеркалом...

Фу, бля! Мерзость! Какой нормальный мужик может так сильно собой любоваться? Прохор Шаляпин с Алиэкспресс сука!

— Ну и ладно, — сказала я вслух. Я положила волос на красную нить. Прижала пальцем. А потом начала завязывать узел. Первый узел. Он получился кривым и тугим — я затянула его так сильно, что нить тихо затрещала. Но это было правильно. Он должен быть тугим. Как удавка. Я поднесла нить к лицу и посмотрела на неё. Волос Ильи теперь был вплетён в красное. Намертво. Не вытащишь.

— Первый узел, — сказала я тихо. — За боль.

Я положила нить на стол и глубоко вдохнула. Что же теперь? Неужели он не оставил мне выбора? За окном завывал ветер. Убывающая луна висела над морем — идеальное время для того, чтобы отнимать, а не давать.

Я взяла телефон. Экран загорелся, и я уставилась на переписку. Последнее сообщение от «Илюши Сыкуна» было на месте. «Хорошо, нога так и ноет?»И мое жалкое, унизительное: «Да ». Ни «прости». Ни «я поговорю с врачом, не переживай». Ни «я всё исправлю». Просто «масло вытекло» и «нога так и ноет». Я перечитала это ещё раз. Потом ещё раз. И с каждым прочтением внутри меня поднималась такая волна ярости, что казалось, ещё немного — и у меня из ноздрей вылетит пламя с искрами.

В голове тут же всплыл голос демона из сна. «Ты слишком слабая и жалкая. У тебя не хватит сил. Просто скажи мне "да"».

— Да пошёл ты! — рявкнула я вслух. Ян, лежавший у двери, поднял голову и заворчал.— Я слабая?! — я схватила

гребень и сжала его так, что деревянные зубья впились в ладонь. — Да я, сука, могу такую порчу навести, что ты, Илюша, ещё до конца этой убывающей луны сгниёшь заживо!

Перед глазами возникла алая пелена, сердце бешено колотилось, в голове шумело, и передо мной сама собой начала вырисовываться картина. Тёмная, сладкая, мстительная. Я видела, как его начинает крутить, как у него отнимаются ноги, как врачи разводят руками, не понимая, что за хрень с ним происходит. Я видела, как он лежит в своей кровати, покрытый язвами, и воет от боли, потому что я вложу в этот обряд всю свою злость. Всю до капли. Ведьма во мне одобрительно ухмыльнулась.

«Давай, — шептала она. — Сделай это. Ты имеешь право. Он же тебя покалечил. Ты дала ему шанс. Он его просрал. Теперь — твой ход».

Я взяла первую свечу. Мои пальцы дрожали. Я потянулась к ней с намерением перевернуть её и зажечь с нижнего конца. Сделать всё по-чёрному. На смерть. На гниение. На то, чтобы он сдох.

— Мяу! — чёрная голова моего кота ткнулась в мою многострадальную ногу. Боль вернула меня в реальность.

— Маау! — Босс потёрся о мой гипс, требовательно глядя на меня.

— Чё надо? — грубо осведомилась я. А кот уже запрыгнул ко мне на колени и пытался потереться своей мордахой о мой подбородок. Волна ярости начала понемногу утихать.

Я на автомате погладила его и посмотрела в окно. Убывающая луна. А рядом с ней — мой телескоп. Я вспомнила, как покупала его. Как мечтала смотреть на звёзды, изучать, как устроен мир. Не для того чтобы кого-то уничтожать, а чтобы жить. Я замерла. Свеча в моей руке зависла в воздухе.

«А зачем?» — вдруг подумала я. Зачем мне марать руки об этот кусок дерьма? Да, я могу его сгноить. Я могу его уничтожить. Но какой ценой? Я потрачу свою новую жизнь, свою вторую ветку, которую мне подарили, на то, чтобы гноить труса. Я буду думать о нём каждый день. Я буду читать заклинания, следить за луной, ждать, когда у него начнёт гнить печень. Я привяжу его к себе. И он будет жить в моей голове — не как мужчина, а как гнойник, который я сама же и вырастила.

Демон, или что это была за срань потусторонняя, был хитёр, он пытался обмануть меня. Но я не слабая. Он хотел, чтобы я сказала «да» и наняла его в качестве исполнителя своих желаний. Он знал мою силу, видел мои гнев и ярость, всю их мощь и хотел обладать этой силой. Чтобы я стала такой же, как он — тёмной, поглощающей, жадной. А еще и безвольной куклой в его руках. А вот хрен тебе! Я сама себе хозяйка и не позволю никому меня использовать!

— Нет, — сказала я твёрдо. — Я не буду тебя проклинать, Илюша, — прошептала я. — Ты не достоин того, чтобы я тратила на тебя свою силу. Я не буду марать руки. Ты сгноишь себя сам. Своей собственной трусостью. Своей ложью.

А я... я просто выставлю тебе счёт, как и собиралась. Без всякой чернухи — я выше этого!

Я посмотрела на свечу в моих руках — поверхность воска была гладкой и чуть прохладной, провела по ней пальцем.

— Надо подписать, — сказала я вслух. — Чтобы Вселенная знала, за что именно.

Босс недовольно фыркнул, когда я спихнула его с колен. Послав ему воздушный поцелуй, я открыла ящик стола и достала свой атам. Ритуальный нож с каменной ручкой, который я выточила сама несколько лет назад, когда только начинала возиться с травами и воском. Лезвие у него не было острым, как бритва, но вот сам наконечник был что надо, он мог и на камне, наверное, вырезать всё, что угодно. И идеально подходил для того, чтобы оставлять следы на воске.

Я взяла свечу в левую руку. Правой — нож. И медленно, с нажимом, начала выцарапывать на воске одну букву за другой.

Б О Л Ь

Воск поддавался легко. Стружка завивалась тонкими колечками и падала на стол. Я сдувала её, чтобы не мешала. Закончив, я поднесла свечу к свету и посмотрела на свою работу. Кривовато, конечно, но читаемо. Слово «боль» смотрелось на свече как клеймо.

— Ну вот, — сказала я, ставя свечу на алтарь. — Теперь ты знаешь, за что горишь.

Я смотрела на неё, и внутри меня стихала злость. На её место приходило что-то другое. Холодное. Расчётливое. И очень спокойное.

Я достала большое, плоское, серебряное блюдо — подарок одной из моих первых наставниц. Положила на него нить с привязанным волосом, свернула её кольцом, чтобы она не мешала, закрепила у края подписанную свечу фитилём вверх, затем взяла ещё одну, выцарапала на её воске одно слово.

Д О Л Г

Буквы получились глубокими и злыми. Я специально давила на нож сильнее. Потом я перевернула свечу. Фитиль смотрел вниз, в блюдо. Я закрепила её в маленьком подсвечнике, чтобы она стояла устойчиво.

— Ну вот, — сказала я, устанавливая ее в центр и глядя на композицию. — Теперь всё на своих местах.

Серебряное блюдо. В центре — перевёрнутый «Долг». По краю — «Боль». А между ними — его волос, вплетённый в красную нить. С этой ночи начинается мой личный суд.

Я зажгла первую свечу. Огонь был ровным и золотистым, я заворожённо смотрела на него, пламя успокаивало, я чувствовала, как расслабляются мои плечи и мышцы челюсти. Мой взгляд опустился ниже, и я прочла вслух слово, написанное моей же рукой:

«БОЛЬ»

Пламя свечи дрогнуло. Вдруг я почувствовала запах со-

лярки, моря и увидела...Удар. Не боль. Сначала — не боль. Сначала — сильный удар слева, по всему туловищу. Как будто меня снесло ветром и швырнуло вниз. Я ничего не поняла. Вот я только что стояла. А теперь — уже лежу на земле, перекатившись пару раз перед этим через саму себя. В голове — звон и белый шум.

Где я? Что это?

Адреналин мгновенный. Тело уже знает: опасность. Правая рука сжалась в кулак. Левую не чувствую. Я хочу дать сдачи.

Кому? Где?

Я пытаюсь встать. Ноги не слушаются. Руки не поднимаются. Я смотрю по сторонам и вверх.

Ковш экскаватора. Он уже летел дальше. По своему кругу, слегка покачиваясь и поскрипывая от каждого движения. Холодная, бездушная железка. Он не остановился. Он даже не заметил.А я — лежала, безуспешно пытаясь разбудить своё оглушённое тело.

Страх.

Надо бежать, почему я не могу встать?! Я пытаюсь перевернуться на бок и отползти. Мне удаётся перекатиться на живот. Так. Хорошо. Теперь ползи, скорее, спасайся! Я отталкиваюсь ногой от земли, цепляюсь правой рукой за какой-то куст, его колючие ветки царапают ладонь, впиваются в кожу. Но я держусь. Держусь. Левая рука по-прежнему непослушна, подтягиваю тело. Ещё немного... Давай, ты

сможешь!..Звук качающегося ковша смолк.

Это всё?

Нет.Двигатель взревел, набирая обороты. Я оглянулась назад. Ковш висел на своём месте, а жёлтая махина уже включила огни заднего хода....

Стой! Здесь же я!! Неужели ты не видишь??!!!

Мой вопль ужаса тонет в шуме мотора.

Ползи! В сторону! Быстрее!!!

Тело, словив новую вспышку адреналина, ускоряется, и я чувствую прилив сил. Мне удаётся встать на четвереньки, и я отталкиваюсь от земли, прыгая в сторону. В темноту. В надежде.

Щека коснулась земли. Холодной и мокрой. Как будто я уже в могиле...

БОЛЬ.

Приземляюсь на бок. Плечо. Бедро. Что-то где-то хрустнуло. Но я не понимаю.

Адреналин.

Пытаюсь встать. Левая рука не слушается. Она просто висит куском мяса. Чужим и тяжёлым. Я опираюсь на правую. Подтягиваюсь. Колени. Ещё немного. Снова боль. Из плеча и из бедра. Острая. Как будто кто-то воткнул нож и повернул. Силы кончились. Разом. Как будто выключил свет. Я рухнула обратно. На спину. Головой о землю. Искры из глаз.

Лежу. Вижу небо. Холодные, равнодушные звёзды безмолвно взирают с высоты на происходящий со мной кошмар

— они были задолго до меня и будут ещё долго после...

Пытаюсь ползти на спине. Левая половина тела мне неподвластна.

«Давай!! — говорю себе. — Вставай, сука!»

Тело не отвечает. Да не может такого быть!

ВСТАВАЙ!!!!

Я снова попыталась. Рывком. На одной злости. Приподнялась. На полметра. Может, меньше. И снова упала. Сил нет. Есть только боль. И она забирает всё. Каждую каплю.

И тут земля задрожала. Сначала я не поняла. Подумала — озноб. От боли и шока. Но нет. Дрожь шла снизу. Из земли, через спину, в позвоночник, в зубы. Я повернула голову.

Экскаватор.

Он приближался. Медленно. Тяжело. Огни заднего хода — жёлтые и красные. Как дьявольские глаза. Даже хуже. Сущность тебя хотя бы видит и имеет цель, а здесь было другое — холодная, жестокая реальность, в которой тебя просто не заметили. Он ехал на меня. Прямо. Не сворачивая. Не останавливаясь.

Да ну на хуй!!!

В отчаянии понимаю, что мой прыжок, в который я вложила последние силы, бросил меня чётко под колёса. Ещё совсем чуть-чуть, и он раздавит меня как что-то незначительное, типа дорожного мусора. Я смотрю на него. И понимаю: это всё. Тело сдалось и больше не подчиняется мне, как бы я ни злилась, не кричала и не умоляла его.

Вибрация усиливается. Я чувствую её всей спиной. Как будто земля хочет меня вытолкнуть. Или закопать. Железо шло ко мне. Я кричу изо всех сил — это всё, что мне доступно сейчас. Но рёв безжалостной машины глушит мой крик даже в моих ушах. Я не могу двигаться. Я могу только смотреть.Неужели никто не вмешается? Неужели никто не поможет?!

Колесо.

Оно наехало. Медленно. Ногу пронзила адская боль. Я закричала, срывая горло.

Бедро.

Крик превращается в хрип.

Хруст. Слышу не ушами, а изнутри. Как будто ломают сухие ветки. Только это были не ветки. Это была я.

Водитель, будто почувствовав, что что-то мешается под колесом, добавляет газ...

Хочу вдохнуть. В последний раз. Но воздуха нет. Только боль. Только тяжесть. Только темнота. Последнее, что я чувствую — свои обжигающие слёзы...

А потом — тишина. Серый туман.И голос: «Рано. Ты ещё не всё сделала».

Пламя свечи вспыхнуло.

"АААААААА!!!!!!!"

Я кричала. Долгим, рваным воплем. Словно из меня с корнем выдирали что-то. Я слышала себя будто со стороны. Какой-то раненый, загнанный зверь. Это была я. Тело колоти-

ло. Всё сразу. Руки. Ноги. Челюсть. Зубы стучали так, что я не могла сомкнуть их. Плечи тряслись. Грудь ходила ходуном. Я не могла вдохнуть. Воздуха не было. Как тогда. Под колесом.

Крик сменился рыданием. Слёзы текли по лицу. Такие горячие и мокрые. Я их не вытирала. Не могла. Руки не слушались.Я ревела. В голос. Как ребёнок. Как баба. Как угодно. Мне было плевать. Горло болело так, как будто его изнутри поцарапали металлическим ёршиком. Я схватилась за край стола. Пальцы онемели. Я держалась. Как за последнюю соломинку. И ревела. И тряслась.

Ян заскулил, залаял, запрыгнул на меня, пытаясь облизать мне лицо. Испугался малыш. Я обняла его большую чёрную шею и зарылась лицом в шерсть, чувствуя живое тепло и бешеный стук его верного сердца. Истерика начала утихать.

Охуеть...

Я отпустила собаку содрала с себя перчатки и вытерла слёзы. Свеча почти догорела. Надо успеть! Дрожащими руками беру огарок и подношу к центральной, перевёрнутой свече. Плавлю воск, ожидая, когда покажется фитиль. Глубокий вдох.

— Ну что, — сказала я вслух. — Пора платить.

Огонь перескочил. Медленно. Как будто нехотя. Сначала — искра. Потом — маленькое пламя. Оно шло вниз. Против всего. Против природы. Против того, как должно быть. Я смотрела на него. И говорила. Тихо. Чётко. Как приговор.

— Всё, что я пережила. Всё, что ты мне сделал. Боль. Страх. Беспомощность. Всё, что ты забрал у меня в ту ночь. Всё, что ты отнял потом. Своим молчанием. Своим «завтра». Своим «не смог». Своим равнодушием. — Я сделала паузу.

Пламя росло. Шло вниз.

—Возвращай. Десятикратно. — Я смотрела на это. И чувствовала, как внутри меня что-то затягивается. Туго. Как удавка. Только не на мне. На нём.

— Пока не отдашь — не отпустит, — сказала я.

Пламя горело ровно. Я взяла огарок от "боли" и сделала вокруг него один оборот нити с волосом. Положила на место и выдохнула. Всё. Слово сказано. Счёт выставлен. Теперь — ждать. Я посидела ещё немного, глядя на огонь и чувствуя внутри тяжёлую пустоту и бесконечную усталость. Пора было ложиться спать. Я затушила свечу — ей гореть ещё 10 дней, собирая всё, — и вышла из мастерской, закрыв за собой дверь.

Глава 10

Я наскоро приняла душ, вода была горячей, почти обжигающей, как мне и было нужно. Казалось, что вместе с пеной с меня смывается весь этот долбанный день.

Потом я застелила чистую постель. Родная, большая, моя кровать. Никаких больше больничных каталок, чужих диванов и автобусных сидений. Только я, мягкие подушки и тишина. Я рухнула в постель, даже не высушив волосы. Едва голова коснулась подушки, я почувствовала, как матрас прогнулся под весом маленьких лап. Это Босс пришел. Он покрутился, устраиваясь у меня под боком, и завел свою шарманку. Мурчание было глубоким, вибрирующим, успокаивая и убаюкивая. Ян, как всегда, занял свое место у двери, охраняя мой сон.

Всё. Долгожданный отдых. Наконец-то. Я быстро провалилась в темноту. Но темнота недолго была пустой. Сначала я почувствовала чужое присутствие. Оно заполняло комнату, давило на уши, заставляло сердце биться чаще. А потом я услышала стук.

Тук. Тук. Тук.

Я открыла глаза. Я стояла посреди своей комнаты, но это была как будто не совсем моя комната. Стены были словно из тумана, мебель расплывалась. Я прошла в гостиную — всё такое же, как всегда, но туманное и расплывчатое.

Тук. Тук. Тук.

Крадусь к кухонному окну, аккуратно подвигаю занавеску, чтобы посмотреть, кто же стучит в дверь моего коридора. Стук прекратился. Никого. Я с облегчением выдыхаю...

Бабах!

За стеклом стоял он. Тот самый черный силуэт. Огромный, бесформенный, но пугающе человекообразный и со своими жуткими глазищами. Он подошел вплотную к окну и продолжал стучать. Казалось, он видит меня сквозь занавески и тюль.

Тук. Тук. Тук.

— Да что б тебя! — вырвалось у меня. Злость поднялась откуда-то из глубины. Даже во сне, в этом вязком кошмаре я была уже настолько вымотана, что страх просто не успел включиться. Вместо него пришло какое-то бытовое, злое раздражение.

Какого хера? Мне поспать не дают дома, в своей собственной кровати! Да что это за беспредел?

Вне себя от злости я отдёрнула занавеску и посмотрела прямо в то место, где у него должно было быть лицо.

— Иди на хуй отсюда, — сказала я четко и громко. — Слышишь ты, чепушила черножопая! Просто иди на хуй!

Я даже показала ему фак. Прямо через стекло. Силуэт замер. На секунду мне показалось, что он растерялся. Видимо, он ожидал ужаса, слез, молитв. А получил фак и посыл в пешее, эротическое путешествие.

— Заебал!

Я удовлетворенно хмыкнула, задёрнула занавеску, развернулась и, довольная собой, пошла обратно в кровать.

«Вот так-то лучше», — подумала я, проваливаясь в глубокую, темную пустоту.Но пустота длилась недолго

Тук. Тук. Тук.

Стук не прекратился. Он стал громче. Более реальным. Я открыла глаза. Да что за...! Утро. Светло. За окном серое небо. Босс уже куда-то ушел, а Ян тихо ворчал у двери.

Тук. Тук. Тук.

Стук шел не из сна. Стук шел из реальности. Кто-то стучал в мою входную дверь. Я посмотрела на часы. Почти полдень.

— Да кого там черти принесли? — пробормотала я, с трудом садясь на кровати. Нога тут же отозвалась тупой болью. Я накинула халат, взяла костыли и поковыляла к входной двери. Стук повторился. Настойчивый какой, зараза.

Я тихонько приблизилась к окну и аккуратно выглянула из-за занавески, как во сне. На крыльце стоял... Александр! Тот самый блондин из автобуса. Я замерла.

Да ну на... Только тебя еще не хватало... Как меня нашёл вообще?

Я затаилась. Отошла от окна. Стук повторился еще раз, потом стих. Я слышала, как скрипят его шаги по крыльцу. Я осторожно выглянула ещё раз. Он уходил. Я выдохнула. Не то чтобы я его боялась. Просто я не выспалась, у меня болела

нога, и я не была готова к светским беседам с незнакомыми блондинами, которые ищут ведьм.

«Пусть идет своей дорогой», — подумала я, возвращаясь в спальню. — «Мне и без него проблем хватает. И с Илюшей, и с этим ночным гостем, который, кажется, решил стать моим постоянным приятелем».

Я легла обратно, укрылась с головой одеялом и попыталась уснуть. Но сон, конечно, уже не шел. В голове крутились мысли. О демоне. О его наглости. О том, что он уже достал меня и в гостях, и в автобусе, а теперь еще и домой ломится. Это же мой дом. Мое пространство. И я не позволю какой-то непонятной херне нарушать мой покой. Даже такой жуткой.

«Надо с ним что-то решать», — подумала я, глядя в потолок. — «Прижать его к ногтю. Или отправить обратно туда, откуда он приполз. Интересно, кстати, откуда? И как это сделать?»

Я лежала, смотрела в потолок и чувствовала, как внутри закипает злость.

«Стучит, блядь. В моё окно. В моём доме. В моём сне. Я специально забралась в такую глушь, чтоб меня никто не беспокоил, а тут на тебе! То во сне какая-нибудь срань прицепится, то наяву кто-нибудь припрётся!» — Бомбило меня знатно. Сна ни в одном глазу. И тут меня дёрнуло: а что, если это не просто кошмар? Что, если это что-то, у чего есть название?

Я взяла телефон, открыла браузер и набрала: «стучит в ок-

но во сне чёрный силуэт не могу проснуться». Пальцы сами застучали по экрану, пока я ждала загрузку. Интернет в моей глуши был медленным, как похмельный Илюша, но страницы всё-таки открывались. Первое, что я нашла, — форум сновидцев. Люди писали разное: кто-то видел «тёмного человека» в углу комнаты, кто-то жаловался на сонный паралич, когда просыпаешься, а пошевелиться не можешь. Одна женщина описывала почти точь-в-точь мою историю: «Он стоит за окном и стучит. Три раза. Я открываю — никого. А потом он появляется в комнате». Я листала дальше. И наткнулась на слово, которое заставило меня замереть.

Лярва.

Статья называлась скучно, по-медицински: «Астральные паразиты: методы защиты». Но чем дальше я читала, тем сильнее холодело внутри.

«Лярва — простейшее эфирно-астральное существо. Не имеет разума. Питается низменными эмоциями: гневом, страхом, похотью, раздражительностью. Провоцирует жертву на эти эмоции, чтобы подпитаться. Особенно активна ночью, когда защита человека ослабевает и если человек находится в состоянии алкогольного опьянения».

«Ага, — подумала я. — Так вот чего ты от меня хочешь. Не меня. Мой страх. Ты просто голодный паразит, который сосёт энергию, как клоп кровь». Но дальше было ещё интереснее.

«Паразиты не могут войти в помещение, если там есть ак-

тивная защита. Огонь (свечи, печь), соль на пороге, полынь над дверью, серебро — всё это создаёт барьер».

Я отложила телефон и уставилась в потолок. Ну, это-то я знаю. Моя печь — это не просто источник тепла, для меня она была чем-то большим. Сердце дома. Помню, когда бывший разрушил в нашем с ним доме кирпичную печь и вместо неё поставил маленькую железную, а по комнатам разместил тэны в каждую батарею, мне стало неуютно там жить. Не хватало живого тепла, а свист, который раздавался при нагревании воды в них, сводил меня с ума. Брррр!..

Я встала, взяла костыли и поковыляла в прихожую. Над дверью, на гвозде, висел сухой веничек. Полынь. Еще не выцветшая и пахнущая горько и терпко, когда я её потрогала. Этот букетик я сделала в первую очередь, когда приехала сюда жить. Работать он, кстати, начал сразу же.

Я хихикнула, вспомнив, как в прошлогоднем августе я прошлась с ним по всему дому и двору, приговаривая что-то о том, чтобы вымелось всё негативное и не впускалось никогда. На следующий день ко мне приехали две подружки посмотреть, куда я забралась. Они были в культурном ужасе:

— Ты что здесь жить собралась?!!

— Да ты с ума сошла!

— Собирайся и поехали с мужем мириться!

Ох и выбесили они меня тогда! Идиотки... Я пыталась их вразумить, но это было бесполезно. Мои аргументы о том, что здесь мне хорошо и я чувствую поддержку своих пред-

ков, они всерьёз не восприняли — куда им? Они на своих-то родителей до сих пор обижены были за «непростое детство» (а у кого оно в 90-е было простым?!). Бесполезно.

Аргумент о том, что мне до работы здесь идти три минуты, а не ехать по грунтовке тридцать, был отметён полным бредом: «Мы тебя уволим!». Вы что, принимали? Ненормальные...Ну а когда одна из них заявила мне: «Заебись твоя хата полыхать будет!», тут уж я не вытерпела... Но это другая история. В общем "подружек" вымело и со двора и из моей жизни навсегда — полынька исправно выполняла роль оберега от всякой нечисти и по сей день, за что я была ей очень благодарна.

Я включила чайник и пошла умываться.

«Вот почему он не зашёл, — думала я. — Он стучит, потому что не может войти. И может приходить только во сне, а приблизиться ко мне может, когда я вне дома сплю. Потому что сон — это дверь, которую я сама открываю. А здесь — фиг тебе, а не мой дом».

Чайник закипел, я налила кофе и взяла в руки телефон, который всё ещё светился статьей. Я дочитала до конца.

«Избавиться от паразита можно, если перестать подкармливать его эмоциями. Пока жертва реагирует — он держится. Как только жертва перестаёт бояться, он уходит».

Я усмехнулась и сделала глоток.

«Значит, ты питаешься моим страхом? Тогда я тебя обломаю. Я не буду бояться. Я буду... — я задумалась. — А хуй

его знает, чё я буду. Но бояться тебя — точно не буду. Ты просто паразит. Вошь астральная».

Я сидела на кухне, пила горячий кофе и смотрела в окно. На улице было серо, пасмурно, но мне было плевать. В доме было пока ещё тепло, Босс спал на стуле, а Ян лежал у моих ног. Я встала, насыпала им корма, каждому в свою чашку, но они всё равно ели с миски Яна, а потом кот ел со своей. С Яном не делился. Такая вот у них дружба странная.

Мысли о ночном госте немного отступили на второй план. Раз я знаю, что это такое, значит, уже не так страшно. Это как например с бородавкой: пока не знаешь, что это бородавка, думаешь, что умираешь. А как узнал — идёшь в аптеку за чистотелом.

Так, с одним чёртом вроде разобралась, теперь следующий.

Я взяла телефон. Открыла переписку с «Илюшей Сыкуном». Написала:

«Привет! Как день? Говорил с врачом?»

Не в сети. Ну ничего страшного, всё равно ты никуда от меня не денешься!

Я допила кофе и огляделась вокруг. Взгляд упал на печку — надо бы дров занести. Хорошо, что папа их уже наколол! Я оседлала костыли и направилась переодеваться в свой рабоче-крестьянский прикид: тёплые камуфляжные штаны, термуха, вязаный носок и китель бывшего с нашивками воздушно-десантных войск. Расчесала волосы, собрала в хвост

на затылке, хвост в косу, сверху кепку.

Вот она — сильная и независимая женщина северной глубинки! Телефон прожужжал два раза. Илюша!

«Надо лично крч с ним говорить не по телефону». «На этой неделе переговорю буду в городе».

Я смотрела на эти строки и чувствовала, как во мне закипает холодная, расчетливая злость.

«На этой неделе». «Лично».

Козёл!

Ну что ж, продолжу играть в наивную дурочку. Я набрала сообщение:

«Ты когда точно в город?»

«В субботу»

«Дай Бог, чтобы с ногой до этого времени все в порядке было. Мне очень страшно»

«Ну в любом случае рентген сделали, да и хирург парень нормальный»

«Да, только они не в курсе, что было оказано сильное давление на ногу. Илья. Я рискую своим здоровьем, чтобы не разрушить твою жизнь. Я не сказала врачам правду. Я жду, пока ты поговоришь. Но ты тянешь до субботы. И меня это злит и обижает. »

«Я понимаю, но по телефону тоже говорить такое себе».

Сомнения, одолевавшие меня накануне: делать ритуал или нет, в моменте хуем сбрило... Делать и продолжать до конца!

А сейчас нужно заняться дровами. Как занести их в дом, если руки заняты костылями? Непростая задачка! Я доковыляла до кладовки и достала свой старый туристический рюкзак. Потом нашла моток проволоки. Я могла бы позвонить отцу и попросить его помочь, но мне было интересно попробовать справиться самой. Поэтому я придумала кое-что.

Я надела рюкзак. Спереди. Взяла проволоку и начала наматывать её, продевая через лямки рюкзака, формируя что-то наподобие каркаса. Вроде получилось. Обкусив пассатижами ещё несколько длинных кусков проволоки — для последующей фиксации, я вышла на крыльцо.

На улице дул холодный ветер. Ян выскочил следом, радостно гавкнул и побежал впереди, виляя хвостом. Я подскакала к поленнице. Папа аккуратно сложил дрова под навесом. Я пристроила своих металлических подружек по бокам и, балансируя на здоровой ноге, начала накладывать дрова в свою проволочную кенгуру.

Поленья были тяжелые и шершавые. Я укладывала их плотно, одно к другому, чтобы не вываливались. А потом взяла куски проволоки и начала приматывать их плотнее к рюкзаку. Крест-накрест. Надежно. Чтобы ни одно полено не выпало по дороге. Закончив, я с облегчением оперлась на костыли — здоровая нога уже дрожала от напряжения. А дрова вроде держались хорошо.

— Ну что, поехали, — сказала я Яну. И поковыляла к дому. Это было невероятно смешно и нелепо. Я шла, балансi-

руя на костылях, с огромным пузом из дров, которое торчало у меня спереди. Каждое неловкое движение отдавалось болью в ноге. Но я шла. И довольно хихикала.

«Вот это уровень. Ведьма, которая недавно провела ритуал на Высший суд, тащит дрова в рюкзаке, примотанные проволокой. Снимай, Голливуд!» Я уже почти дошла до крыльца, когда услышала за спиной шаги.

— Вам помочь?

«Бля!..»

Глава 11

Я медленно обернулась. На тропинке стоял Александр. В руках пакет, куртка расстегнута, а на лице — странная смесь удивления и желания рассмеяться. Он с любопытством оглядывал меня. Мой проволочно-дровяной щит, костыли, моё красное лицо.

Я хотела что-то сказать. Что-то умное, типа «Нет, спасибо, я справлюсь». Но вместо этого я вдруг посмотрела на себя его глазами — женщина в одном сапоге, с гипсом, выглядывающим из-под камуфляжных штанов, в кителе с нашивками ВДВ, в кепке, с дровами на животе, примотанными проволокой, и на костылях...

И тут меня накрыло. Я начала ржать. Прям в голос. Истерически. Так, что у меня слёзы брызнули из глаз.

— Вы... — выдавила я сквозь смех. — Вы извините... Я сейчас... — я не могла остановиться.

Александр смотрел на меня. Секунду. Две. А потом его лицо тоже расплылось в улыбке. И в этот момент мои костыли поехали...Я почувствовала, как нога подворачивается, как рюкзак тянет меня вперед, и я лечу куда-то в сторону крыльца.

— Ой!.. — только и успела выкрикнуть я. Но Александр оказался быстрее. Он бросил свой пакет, шагнул вперед и схватил меня за шкирку. Прямо за воротник кителя, как ко-

тёнка.

— Так, — сказал он, удерживая меня и мой рюкзак в вертикальном положении. — Давайте-ка я всё-таки помогу. Пока вы вместе с этими дровами тут не рассыпались.

— Спасибо, — выдохнула я. — Извините. Я просто... Это не самый мой лучший вид.

— Да ладно, — он улыбнулся. — Мне нравится. Нестандартно.

— Это точно, — пробормотала я.Он помог мне выпрямиться и обрести опору, продолжая придерживать дрова.

— Так, — сказал он, оглядывая меня и рюкзак. — Это совсем никуда не годится. А потом начал разбирать мою проволоку. Быстро. Чётко. Пальцы знали, что делать. Он не спрашивал и не смотрел на меня. Просто разматывал. Куски проволоки падали на крыльцо. Звякали. А я стояла и смотрела. И чувствовала.

Моя недавняя гордость — «Я сама. Я могу. Я не беспомощная» — стремительно таяла. Из последних сил она толкала сказать: «Отойди. Я разберусь». Но...Глаза защипало. Горло сжало. Руки затряслись. От чего-то такого, что не имело названия.

«Ты чего? — сказала я себе. — Ты чего расклеилась? Это же просто дрова. Это же не смерть, не экскаватор. Это всего лишь дрова». А тело не слушалось. Как тогда. Под колёсами. Когда я знала, что надо встать. И не могла. Только теперь не было боли. Не было страха. Была нужда. И она была хуже.

Собственная беспомощность и неумолимая нужда.

Он снял последнюю проволоку. Аккуратно забрал дрова и посмотрел на меня.

— Ну что, хозяйка? — сказал он. — Куда нести? А я стояла и молчала. Слёзы подступали. Я еле сдерживала их. Они обжигали мне глаза и горло. Я не могла ничего сказать. Потому что если скажу — заплачу. А если заплачу — всё. Конец сильной Марии. Конец той, которая всё сама, которая не просит и никогда не плачет при мужиках. «Скажи ему — сама, — билась в агонии моя гордость. — Скажи — спасибо, я донесу. Скажи — отойди. Скажи хоть что-нибудь!»

А потом я посмотрела на свои костыли. На свою ногу...Это было бы глупо. Стоять и говорить «спасибо, я сама», когда ты чуть не пизданулась на ровном месте. С костылями и с дровами. Перед незнакомым мужиком. Который только что поймал тебя за шкирку. Я медленно выдохнула.

— Заносите в дом. К печке. Александр занёс дрова. Сгрузил их у печки. Аккуратно. Не так, как я — горой. А ровно. Чтобы удобно было брать. Я ковыляла следом.

— Маловато, — деловито произнёс он. — Сейчас ещё занесу.

— Спасибо... — еле слышно прошелестела я, освобождая ему проход и пряча глаза.Он вышел, а я прислонила костыли к стене, сняла с себя рюкзак, китель, кепку, разулась и поскакала к стулу — хотелось вытянуть и приподнять ногу, отёк причинял уже нестерпимую, пульсирующую боль.Дверь

открылась.

— Я совсем забыл! Вам же тётя Лариса передала пирожки! Сказала, ваши любимые специально сделала: с яйцом и луком, и сладкие с шиповником. Вот, возьмите, пожалуйста, пакет, а то еле успел отбить его у вашей собаки.

— Ох! Как здорово! — я начала подниматься.

— Ой, нет, сидите лучше, я положу, вот сюда, на печку. Извините, не сообразил сразу!

— Да ну что вы, всё нормально! — уже слабо возразила я.

— Сидите. Я уже всё положил, вот здесь хорошо? Сейчас ещё дров принесу. Сидите! — повторил он, и дверь захлопнулась.

Интересно устроена жизнь! Кто-то ломает, а кто-то чинит, и, порой, это не один и тот же человек. Дверь хлопнула. Александр вернулся, и на этот раз дров было столько, что он почти скрывался за ними. Он сгрузил их, аккуратно, как и в прошлый раз, подравнял, чтобы куча стояла ровно. Выпрямился, отряхнул руки от трухи.

— Чем ещё помочь? — спросил он, оглядываясь. — Может, воды привезти?

— Да, привезите, пожалуйста, — сказала я. — В коридоре, справа, стоят две двадцатилитровые бутылки. Тележка во дворе.

— Понял, — он кивнул и вышел.Я осталась одна на кухне. И тут же почувствовала, как сильно устала. Нога пульсировала так, что отдавало в зубы. Надо бы хоть чаем человека

угостить. Он мне и правда здорово помог — если бы он не поймал меня, не знаю, что бы было. Я вздрогнула, вспомнив, как испугалась. Я поставила чайник на плиту и решила изучить назначение врача.

Так, примочки — целый коктейль и обезболивающее, вроде ничего особенного. Я поскакала изучать свою аптечку. Кое-что имелось, но вот несколько препаратов надо было где-то раздобыть. Ну почему я не подумала об этом в городе? Ладно, придумаю что-нибудь, хотя бы обезболивающее есть, я сразу же приняла таблетку. Вернулся Александр с двумя тяжелыми бутылями.

— Привез, — сказал он, появляясь на кухне. — Куда лить?

— Одну в бак, — я кивнула на печку. — Это чтобы вода всегда горячая была.

Он подошел, снял крышку бака, поднял двадцатилитровую бутыль. Я думала, он будет кряхтеть, но он поднял её легко, будто пустую. Вода с бульканьем полилась в бак.

— Всё, — сказал он, закрывая крышку. — Еще куда-нибудь? Чайник как раз начал закипать, выпуская струю пара.

— Нет, спасибо, — сказала я. — Выпьете со мной чаю? А то для меня одной пирожков многовато будет.

— Спасибо, — сказал он, улыбнувшись. — Но мне нужно идти, я обещал помочь дяде Вите с мотоциклом. Но мы ещё с вами увидимся, я на несколько дней приехал, я рад, что мы снова встретились.

— Так вы у тёти Ларисы и дяди Вити остановились?

— Да, она меня к вам и отправила, объяснила как найти. Дом с пиратским флагом у моря — это даже звучит круто! Пришёл, а тут оказывается Вы живёте!

— Забавно получилось. — улыбнулась я. — А откуда вы тётю Ларису и дядю Витю знаете?

— Да уж лет 20... Я дружил с их сыном, Олегом... Ну вы знаете наверное... Теперь вот иногда приезжаю, помогаю...

— Ааа... Понимаю. Жаль Олега, совсем молодой ещё был, — вздохнула я.

— Да... — тяжело вздохнул мой спаситель, — Ну, я пошёл. Пейте чай и выздоравливайте, а я завтра загляну, ещё дров принесу, — Александр улыбнулся. — А то как бы дядя Витя без меня карбюратор не починил.

— Хорошо, приходите. И... Спасибо вам за помощь.

— Да не за что! Я очень рад был увидеть вас снова.

— Взаимно... Ну, тогда всего доброго вам.

— До завтра!

Александр ушёл, и я осталась одна. В доме стало тихо. Только море шумело за окном, да Босс сопел на своей подстилке. Нога всё ещё пульсировала, но это была уже привычная, тупая боль. Я доковыляла до дивана, села, вытянула ногу. И вспомнила, что мне нужно позвонить Владе. Она ведь волнуется. Я набрала номер. Гудок. Два. Три.

— Маш? — голос у Влады был встревоженный. — Ты как? Доехала?

— Доехала, — сказала я. — Всё нормально. Даже дрова уже занесла.

— В смысле занесла? — она аж поперхнулась. — Ты же на костылях!

— Ну, — я усмехнулась. — Пришлось проявить инженерную смекалку. Рюкзак, проволока, и вуаля.

— Ты ненормальная, — выдохнула она. — Я же говорила, оставайся у нас.

— Влад, я дома. И мне здесь хорошо. Правда. Соседи помогают, не волнуйся, я не одна. Она помолчала. Я слышала, как она вздыхает.

— Ладно. Ты хоть поела?

— Поела. Тётя Лариса пирожков передала.

— О, это хорошо.

— Влад, — сказала я. — Ты можешь мне помочь? Купи, пожалуйста, лекарства. Я тебе список скину. А ты передай автобусом. Я встречу. Деньги я переведу.

— Да какие деньги, Маш, — перебила она. — Я куплю. Говори, что нужно.

— Нет, — сказала я твердо. — Я не хочу быть должной. Я переведу. Просто купи и передай. Пожалуйста.Она помолчала.

— Ладно. Скидывай список. Я сегодня же куплю и передам с водителем. Ты только встреть.

— Спасибо, Владушка. Ты настоящий друг.— Да ладно, — она хмыкнула.

— Ты бы для меня сделала то же самое.

Мы попрощались. Я скинула ей список. И почувствовала, как внутри стало чуть легче. Это счастье, когда у тебя есть люди, которые не бросают, не молчат, а просто делают.

Я поковыляла к печке. Присела рядом, положила ладонь на прохладный кирпич.

— Ну что, моя хорошая, — сказала я тихо. — Просыпайся.

Для меня растапливание печки — это не просто бытовое действие. Это целый ритуал. Я открыла дверцу, заглянула внутрь. Там было темно и пахло золой. Я смяла и положила внутрь бумагу, сверху сухие щепки и несколько небольших дровинок. Потом достала спички. Чиркнула. Огонёк вспыхнул, осветив моё лицо. Я поднесла его к щепкам. Сначала робко, потом всё смелее пламя начало лизать дерево.

— Давай, родная, — прошептала я. — Разгорайся.Я подкладывала дрова, смотрела, как огонь набирает силу. И говорила с ней. Как с живой. Потому что для меня она и была живой. Сердце дома. Защитница. Та, что согреет в лютый мороз, на которой можно приготовить еду, у которой можно погреть спину.

— Спасибо тебе, — сказала я, когда пламя стало ровным и уверенным. — За то, что ты есть. За то, что ты меня обогреваешь. За то, что защищаешь от всякой нечисти. Я закрыла дверцу, и пламя загудело весело, потрескивая. Это было ни с чем не сравнимое ощущение. «Вот оно, счастье, — подума-

ла я. — Не в деньгах, не в мужиках, не в чьих-то обещаниях. А вот здесь. В этом доме. У этой печки. С этой собакой. С этим морем за окном».

Сумерки сгустились, и первые звёзды зажглись на моём северном небе. Здесь, на краю земли, они были очень яркие и крупные. Я сидела , глядя на них через окно, на море, и чувствовала себя маленькой песчинкой перед этой огромной вселенной. Маленькой и беспомощной. Я нахмурилась. А кому «спасибо» надо было сказать за то, что я настолько беспомощная стала? Пора было зажигать вторую свечу.

Я поковыляла в мастерскую. Босс сунулся было следом, но я не пустила. Сегодня я справлюсь сама. Я взяла следующую свечу, атам. И медленно, с нажимом, выцарапала на воске новое слово.

Н У Ж Д А

Установила на алтарь, зажгла фитиль. А потом завязала второй узел. Затянула его так же туго, как и первый. И сказала тихо, глядя на огонь свечи:

— Второй узел. За нужду. За всё то, что я теперь не могу сама. За то, что мне приходится просить. За то, что я завишу от других. — Я сделала паузу. — Ты думаешь, что твоё «завтра» и «надо лично» — это просто слова? Нет, Илюша. Это то, из-за чего я сейчас сижу с костылями и не могу даже дров себе принести. Ты забрал у меня мою независимость. А я тебе этого не прощу. Потому что я — гордая. Я — та, кто всё сама. Та, кто не просит. Та, кто привыкла справляться.

А тут...

Я посмотрела на свою ногу в гипсе. На костыли, прислонённые к стене. На недоделанный дом, где ещё не было сделано всё то, что я запланировала, и теперь это откладывается на неопределённый срок, а зима уже совсем близко. На то, что я не могу даже элементарно позаботиться о себе... И это бесило. Бесило так, что зубы сводило. Потому что для меня попросить о помощи — это пиздец как сложно. Это как признать, что я слабая. Что я не справляюсь. Что я зависима.

Пламя дрогнуло. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох, чувствуя, как внутри меня что-то выравнивается. Злость никуда не ушла. Она просто стала другой — тяжелой, осевшей где-то в костях. Я прокрутила перед внутренним взором весь этот день — свои слёзы, своё бессилие, испуг и обжигающее чувство стыда за то, что я не могу себе помочь. Может это кому-то и покажется странным и неправильным, но эти чувства реальны и я не знала, что с ними делать.

Я открыла глаза и посмотрела на блюдо. Вторая свеча почти догорела, воск уже оплыл и скрыл буквы «НУЖДА». Рядом лежала нить, огарок от «боли», а в центре, как злой паук, темнела перевернутая одиннадцатая.Я взяла догорающую свечку и поднесла её к чёрному фитилю одиннадцатой.

— Ты знаешь, что самое обидное, Илюша? — сказала я тихо, глядя, как разгорается пламя. — Даже не то, что я не могу сама дров принести, а это тоже немало. А то, что я вынуждена просить. И не тебя. Потому что тебе насрать. А чу-

жого мужика, с которым я даже не знакома.

Я перемотала нить вокруг огарка, закрепляя воском второй узел. Туго. До скрипа.

— Ты отнял у меня мою независимость. Ты сделал меня нуждающейся. Так получи же обратное. — Я усмехнулась, чувствуя, как холодеет внутри. — Теперь твоя очередь нуждаться. В помощи. В понимании. В том, чтобы кто-то закрыл тебе долг. И ты получишь это. В полной мере, в гораздо большей пропорции, чем я получила от тебя «завтра» и «надо лично».

Я убрала нить. Посмотрела на огонь.

— Пусть твоя нужда будет такой же сильной, как моя. И пусть тебе никто не поможет. Я посидела ещё минуту, глядя на огонь и прислушиваясь к внутренним ощущениям — только глухая пустота и больше ничего. А потом встала, опираясь на костыли, и погасила свечу. Пора было готовиться ко сну. Завтра будет новый день. Новые задачи. И новый узел.

Глава 12

Закончив свои домашние дела, я наконец-то легла в постель, укрылась одеялом и закрыла глаза. День выдался тяжёлым и я чувствовала себя истощённой. «Всё, — подумала я. — Защита стоит. Печь горячая. Соль на пороге я насыпала. Полынь над дверью висит. Хрен ты теперь войдёшь, тварь». Я засыпала с чувством полного удовлетворения.

Проснулась я от тишины. Слишком плотной и вязкой. Как будто кто-то выключил все звуки в доме, и за окном не было слышно ни моря, ни ветра. Это было очень странно.

Комната была той же. Кровать, шкаф, окно. Но за окном не было ни звёзд, ни моря. Только чёрная, непроглядная, мерцающая муть. А в углу, у шкафа, стоял он. Не за окном. В комнате!

Я села рывком. Сердце ухнуло куда-то вниз. В горле пересохло. Руки вцепились в одеяло. «Как он здесь? Я же защитила дом. Я же всё сделала. Печь. Соль. Полынь. Почему он внутри?» Паника поднялась волной. Но я её задавила. Сжала зубы. Выдохнула.

«Стоп. Это просто лярва. Астральный сосунок. Он питается страхом. Не смей бояться, дура. Он этого и хочет». Я вспомнила, как в прошлый раз послала его и показала фак через стекло. Как он растерялся. И эта мысль — злая и ехидная — вернула мне контроль.

— Опять ты! — гаркнула я. — Как же ты меня достал! — А внутри нарастала паника: не сработала моя защита!.. Но почему?! Он не двинулся. Только чуть наклонил голову.

— Защита? — переспросил он, будто прочитав мои мысли. — Ты про соль? Полынь? Про свою печку?

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается злость.

— Ага, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Про неё самую. И вроде я тебя уже посылала. И направление показала. Помнишь? Ты тогда затупил. Видимо, не дошло. Повторить?

Я даже приподняла руку, готовая снова показать фак, если он не поймёт. Он замер. Секунду. Две. А потом засмеялся. Не злобно и даже не угрожающе. А с каким-то искренним, почти весёлым изумлением. Как будто я сказала что-то настолько нелепое, что он не мог сдержаться.

— Ты... — выдавил он сквозь смех. — Ты только что... показала мне фак? Опять?

— А что, не видно? — огрызнулась я. — В прошлый раз было видно.

— Видно, — он отсмеялся, но в голосе осталась эта снисходительная усмешка. — Просто... — он покачал головой. — Я, конечно, знал, что ты невоспитанная. Но чтобы настолько? Я опешила.

— Чего?!

— Ну, — он развёл руками, как будто объяснял очевид-

ное, — ты посылаешь меня на хуй. Показываешь фак. Говоришь, что я «чепушила черножопая»... Я, конечно, не человек, но даже мне известно, что с гостями так себя не ведут. Особенно с теми, кто пришёл с миром.

— С миром?! — я чуть не задохнулась от возмущения. — Ты меня душил! Ты меня лапал! Ты мне угрожал!

— Ну, — он чуть склонил голову набок, и в его глазах заплясали эти жуткие огоньки, — немного увлёкся, — он сделал паузу, подбирая слово. — А ты, вместо того чтобы разобраться, сразу — фак. И на хуй. Очень невоспитанно, Мария. Я разочарован.

Я смотрела на него, и внутри всё кипело. Он издевался. Нагло, открыто и с удовольствием. Как будто я была ребёнком, который пытается напугать взрослого страшной рожицей.

— Ты... — начала я.

— И кстати, — перебил он, — ты приняла меня за лярву. Это, знаешь ли, тоже обидно. Я же говорил тебе. Ты жалкая и глупая. И слабая. Ты разве не знаешь, что лярвы не имеют интеллекта? Не имеют разума? — Он сделал паузу, и в его голосе прозвучала неподдельная обида. — Но это не обо мне. Я не астральная вошь, Мария. Я не питаюсь страхом, как какая-то... блоха. Я прихожу не за этим.

— А за чем? — спросила я, стараясь не показать, как мне страшно. Он не ответил сразу. Просто смотрел на меня. И в его глазах было что-то такое, от чего у меня по спине по-

ползли мурашки.

— Я прихожу за тобой, — сказал он наконец. — Я ждал тебя очень долго. Дольше, чем ты можешь себе представить. И я ещё подожду. Я умею ждать. — С этими словами он сел на край кровати и положил свою руку мне на больную ногу, но я почему-то не почувствовала боли.

— Я не собираюсь никуда с тобой идти, — отрезала я, подтягивая одеяло к груди. — И вообще, как ты сюда попал? Я же защитила дом.

— Ты защитила дом, — согласился он. — Но мы не в доме, Мария. Мы в твоём сне. А сон — это дверь, которую ты открываешь сама. — Он подвинулся ближе. — Сегодня ты весь день злилась. На него. На себя. На свою беспомощность. Ты думала о мести, плакала. И каждая из этих эмоций — это была дверь и персональное приглашение для меня. Разве я мог проигнорировать такой сильный зов? Я просто вошёл. В дом ты меня не пустишь. Пока. Но сон — это моя территория.

— Я не плакала! И я найду способ тебя выгнать, — сказала я. — Я ведьма. Я знаю...

— Знаешь? — он снова перебил меня, и в его голосе прозвучала снисходительность. — Ты про меня не знаешь ничего. И это, Мария, — он чуть подался вперёд, и я вжалась в подушку, — это самое интересное. — Он протянул руку к моему лицу и погладил меня по щеке. Я отдёрнула голову в сторону. Он выпрямился. И вдруг снова резко наклонился

ко мне, схватил за шею, вдавив меня в подушку, и приблизился к моему лицу.

— А пока — никто не мешает мне приходить и заглядывать к тебе в окно. Смотреть, как ты сладко спишь. Такая... — он сделал паузу, и я почувствовала, как от его голоса у меня сводит внутренности. — Желанная и беззащитная. Ты всё равно выйдешь из дома. Рано или поздно. Поедешь к врачу. К подруге. В город. И там — я тебя встречу. Я тебя очень долго ждал. И ещё подожду. И обязательно тебя дождусь. До скорой встречи. — И он растворился в воздухе.

Я открыла глаза и схватилась за шею — мне не хватало воздуха, я хватала его ртом, как рыба, выброшенная на берег, и слёзы полились сами собой.

Раннее утро. За окном шумит море. Босс сопит в ногах. Ян ворчит у двери. Всё как всегда. Я дома, и я не сплю. Я лежала, восстанавливая дыхание, глядя в потолок, и чувствовала, как по лбу течёт холодный пот. «Не лярва, — думала я в отчаянии. — Значит, не лярва».

Я села. Нога отозвалась болью, но я почти не обратила на неё внимания. В голове крутились его слова: «Ты сама меня впустила. Своими эмоциями. Своей злостью. Своей нуждой». Я вспомнила, как вчера злилась на Илью. Как почти плакала, чувствовала себя беспомощной. И как зажгла свечу «НУЖДА».

«Сон — это дверь, которую я открываю сама. И сегодня я открыла её своими эмоциями». Я сжала кулаки. Злость —

снова злость, поднялась откуда-то из глубины.

«Ну уж нет, — подумала я. — Я не позволю какой-то твари использовать мои чувства против меня. Я узнаю, кто ты. И найду способ от тебя избавиться!»

Я встала, взяла костыли и поковыляла умываться. За окном шумело море. А в голове уже зрела мысль: надо копать глубже. Лярвы — это только верхушка. Надо найти, что ещё за срань там с ними водится.

Я налила холодной воды в умывальник. Набрала в ладони, плеснула на лицо. Ледяная вода обожгла кожу, смывая остатки сна, слёзы и этот липкий страх. Ещё пару раз — и стало легче дышать.

Я выпрямилась. Посмотрела в зеркало. Бледная. Глаза красные. Волосы дыбом. Красавица. Я подвинулась ближе. Подняла волосы и повернула голову влево. Вправо. Приподняла подбородок. Шея. Я искала следы. Ну, там, синяки, покраснения — что-то, что могло остаться после того, как он схватил меня. Ничего. Кожа чистая. Гладкая. Как будто ничего и не было.

И тут меня бомбануло, — Ты чего, сука, до шеи моей доебался?! — рявкнула я на собственное отражение. Громко. Чтобы услышать свой голос и почувствовать его силу. — Что за мода такая хватать за горло? Ты кто вообще? Демон? Лярва? Хуярва? Руки свои некуда девать? Так давай я их отхерачу — у меня есть классный топор!

Я говорила и чувствовала, как злость возвращается. Моя

родимая! Та, которая строит дома. Таскает дрова. Посылает всех несогласных на хуй. И живёт вопреки требованию общества сдерживать её и прятать поглубже. Щас ага! Именно эта злость помогла мне когда-то выстроить свои границы и дала понять мне и окружающим, как со мной нельзя себя вести.

— И главное, — продолжала я, выдавливая зубную пасту на щётку, — следов не остаётся. Удобно, да? Пришёл, пощупал, ушёл. А я потом ходи и думай: был он или показалось? Может, я сама себя душила? Может, у меня крыша поехала? — Я фыркнула. — Нет, дорогой. Не на ту напал. У меня крыша без моего разрешения никогда не уезжает!

Я почистила зубы и умылась ещё раз. Потом вытерлась полотенцем — жёстко, быстро, как будто стирала не воду, а его.— Значит, так, — задумчиво произнесла я вслух. — Раз ты — не лярва, значит, ты — что-то другое. Умное. Наглое. С обидками. И ты умеешь входить в сны. Ладно. Я запомнила.

Я взяла расчёску, начала драть волосы. С силой. Со злостью.

— И ты думаешь, что я испугалась? — я усмехнулась. — Ну, испугалась. На секунду. Может, на две. А потом я разозлилась. А злость, дорогой мой, — это топливо. Я на ней дом построила. Я на ней жизнь свою перезапустила. Так что спасибо тебе. За бесплатное топливо, сукин сын!

Я заплела косу. Ещё раз посмотрела на себя в зеркало — заёбана, но не сломлена! И удовлетворённо выдохнула.

В зеркале стояла уже не та перепуганная женщина, которая проснулась в холодном поту. А я. Мария. Ведьма. Та, которая всё сама. Та, которая не просит. Та, которая если надо — сама кого хочешь закопает.

— Ну что, — сказала я отражению. — Пойдём, что ли, кофе пить?

Я вышла из ванной. Хромая. Но прямая и злющая, как медведь-шатун ранней весной.

Кофе получился крепким и горьким. Я пила его маленькими глотками, сидя за кухонным столом, и смотрела в окно. На улице было ещё серо, но море уже проснулось — волны лениво накатывали на берег, размывая утреннюю дымку. В доме было тихо. Только Босс вылизывал свою лапу на стуле, да Ян посапывал в прихожей. Обычное утро. Обычная жизнь. Как будто ночью ничего и не было.

«А ведь и правда, как будто не было, — подумала я. — Кожа чистая. Шея не болит. Ни синяков, ни следов. Может, мне всё это просто приснилось? Может, это был просто сон?» Я сделала ещё глоток. «Нет, — возразила я сама себе. — Не сон. Я не сумасшедшая. Пока что я ещё отличаю сон от реальности. И это было реально. Настолько, насколько может быть реальным сон». Я поставила чашку и взяла телефон. Экран загорелся, осветив моё лицо.6:30 утра. Пятница.

«Пиздец, — подумала я. — Я легла за полночь. И проснулась в шесть. Я не высыпаюсь нормально уже которую ночь».

Я открыла переписку с Владой. Сообщение от неё пришло

ещё час назад: «Маш, лекарства купила, передала водителю. Автобус приходит в 9:30. Встреть. Не проспи. Оплатила водителю за доставку. Потом отдашь. Люблю».

9:30. Значит, у меня есть ещё три часа. Целая вечность. Можно успеть сделать много всего. Или не успеть ничего.

Я уже хотела открыть переписку с Ильёй, но остановилась. Мой палец завис над экраном. «А зачем? — подумала я. — Что я там увижу? Он всё равно ничего не написал. Или написал какую-нибудь хуйню. И я опять разозлюсь. А мне сейчас нужны силы. Нужно встретить лекарства. Нужно дожить до вечера. Нужно решить, что делать с третьим узлом». Я убрала телефон в карман халата.

— К чёрту Илью, — сказала я вслух. — Всё потом. Завтра. В субботу. Когда он соизволит быть в городе. А я пока — позавтракаю.

Я встала, открыла холодильник. Он был почти пуст. Пирожки от тёти Ларисы закончились ещё вчера. Оставалось полпачки творога и три яйца.

— Ну что ж, — вздохнула я. — Блинчики с творогом. Годится. Я достала сковородку. Завела тесто на блины, перемешала творог с яйцом и сахаром. И почувствовала, как в этой обыденности — в этом запахе масла, в этом шипении теста на сковороде, в этом тепле — возвращаюсь в себя. В свою жизнь и свою реальность. Где нет никаких демонов. Где есть только я, кот, пёс, море и моя нога, которая всё ещё болит.

После завтрака я покормила своих хвостатых пацанов,

пришлось и блинчиками поделиться — эти обжорки их любят. А потом устроила себе небольшой спа-отдых: нацепила маску на лицо и легла отдохнуть, предусмотрительно поставив будильник на 9 утра.

Но это мне не помогло. Измученный недосыпом организм просто проигнорировал электронные крики петуха, и я благополучно проспала с маской на лице до часу дня. Проснулась, сладко потянулась — выспалась! Ян скулил под дверью: надо выпустить его погулять. Ну что ты за хозяйка, Маня?

Я сняла с лица высохшую ткань от маски и пошла выпускать своего четвероногого друга на волю. Распахнув дверь, я подпрыгнула от неожиданности — на крыльце стоял Александр, опять с каким-то пакетом!

— Здравствуйте!

— Здравствуйте... А я только подошёл, хотел постучать, и тут вы!

— Как неожиданно, ну проходите.

— Давайте сразу дров занесу, вот возьмите пакет, это вам водитель автобуса просил передать. Мы ходили встретить посылку дяди Вити с запчастями и вашу заодно забрали.

Блин!!! Я же проспала автобус!!!

— Ой, как здорово! А я всё проспала, спасибо большое, очень выручили! — я взяла посылку и пошла ставить чайник. Заглянув в пакет, я обнаружила лекарства, шоколадку и тёплые пушистые носочки нежно-розового цвета. А вот чека за лекарства не нашлось. Ох, Влада!.. Всё равно всё по-

своему сделала, как будто я в интернете ценников не найду. Я улыбнулась — хоть я и ворчала, в глубине души мне всё равно было очень приятно.

Вошёл Александр, сгрузил дрова, точно так же, как и вчера, аккуратно друг к дружке.

— Чаю или кофе? — с улыбкой спросила я. — Отказы не принимаются! — добавила более строгим тоном.

— Тогда чай, — улыбнулся в ответ Александр.

— Вот и чудненько! Мойте руки и садитесь за стол! — скомандовала я, доставая кружки.

Настроение было прекрасным — вот что значит выспалась! Да ещё и на остановку тащиться не пришлось, лекарства домой принесли — ну как тут не радоваться? Мы сидели за столом. Чай был горячим, блинчики таяли во рту, но напряжение между нами было таким плотным, что хоть ножом режь.

Александр пил чай маленькими глотками. Он старался не смотреть мне в глаза, но я видела, как он бросает короткие взгляды на мою перевязанную ногу, на мои руки, на полынь над дверью.

— Вкусно? — спросила я, просто чтобы нарушить тишину.

— Очень, — кивнул он. — Спасибо.

Он поставил кружку на стол. Я тоже поставила свою. Мы посмотрели друг на друга. И в этот момент я вдруг отчётливо поняла, что вся эта суета с дровами, водой и пирожками —

это просто ширма. Он точно знал, кто я. И он пришёл не просто так.

Я откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди и посмотрела на него прямо.

— Ладно, — сказала я тихо, но твёрдо. — Хватит в игры играть. Ты же не за чаем сюда пришёл и не дрова мне таскать.

Александр замер. Его рука, лежащая на столе, чуть дернулась. Он поднял на меня глаза. И в этом взгляде не было ни неловкости, ни извинений. Только странное, обречённое облегчение.

— Вы знаете, — сказал он. Это был не вопрос. Утверждение.

— Знаю, — кивнула я. — И ты знаешь, что я знаю. Так что давай не будем тратить время.

Глава 13

Он вздохнул и посмотрел на меня. В серо-голубых глазах было столько боли, что меня передёрнуло.

— Мария, — начал он, глядя в пол. — Я искал вас. Тётя Лариса сказала, вы можете помочь.

Я сидела, вытянув больную ногу. Любопытство уже зрело.

— Что за проблема?

— Я развёлся, — сказал он тихо. — Точнее, со мной развелись. И я... — он замялся, подбирая слова, — я потерял себя. Не знаю, кто я без неё. Он замолчал. А у меня возникло стойкое ощущение: проблема, с которой он пришёл, глубже, чем просто развод.

— Дальше, — сказала я, не отводя взгляда. — Слушаю.

—Да. Значит... У меня жена. Бывшая. Анна. Мы развелись, но... я хочу её вернуть. Я без неё не могу. Понимаете? Начать всё сначала, вернуть семью. У нас дочь растёт. В общем, два вопроса: вернётся ли ко мне Анна, получится ли начать всё сначала, смогу ли я вернуть семью? И что ждёт меня в этом году?

— Хорошо, —спокойно ответила я. — Руны спрошу. Только сразу договоримся: я не гадаю на «когда это будет». Смотрю энергию и векторы развития. Что вижу — то скажу.

Он кивнул. Я принесла мешочек с рунами. Холодные камни глухо брякнули о столешницу.

— Давай по порядку, — сказала я, перемешивая их. — Сформулируй чётко. Например: как будут складываться отношения с Анной в ближайшие три месяца.

Пока он формулировал, я смотрела на его руки. Мелко дрожали. Дома тепло, а от него не исходило страха. Скорее — вибрация. Словно внутри что-то билось и не находило выхода. Я дала ему мешочек и сказала вытащить три руны.

Иса. Уруз. Вуньо.

Я смотрела на них, и внутри что-то ёкнуло. Расклад логичный, но в нём было что-то ещё. Глубже, чем просто отношения с женщиной.

— На Анну выпала Иса, — начала я, поднимая первую руну. — Руна льда. Застоя. Она в глухой обороне. Её обиды превратились в лёд. Знаешь, как бывает? Человек устал от боли и непонимания настолько, что замораживается, чтобы не чувствовать. Она застряла в позиции «я права, а он не ценит». Если начнёшь давить, кричать или умолять — лёд не растопишь, сделаешь только хуже.

Александр смотрел на меня, и в глазах было такое страдание, что я пожалела его.

— А она... — он сглотнул. — Вдруг она уже нашла кого-то? Вдруг я опоздал?Я посмотрела на руну Иса.

— Она никого не найдёт, потому что не ищет, — сказала я уверенно. — У неё в приоритете дочь и она сама. Лёд не пускает никого внутрь. Но в твоих словах, Александр, я слышу не только любовь. Я слышу панику. Ты боишься не того,

что она кого-то найдёт. Ты боишься, что сам не справишься.

Он вздрогнул.Я взяла вторую руну.

— Уруз. Твоя руна. Дикая сила, выживание и исцеление. Ты сейчас на дне. Уруз говорит: у тебя есть ресурс, чтобы вылезти. Но эта сила не для того, чтобы «пробивать стены» и завоёвывать Аню. Она нужна тебе для себя. Тебе нужно 28 дней, чтобы окрепнуть физически, заняться спортом, работой, привести в порядок мысли. Стать скалой.

— Я готов меняться! — горячо воскликнул он. — Я всё сделаю!

— Не надо меняться, — мягко сказала я. — Надо узнать себя. Заново.

Я взяла третью руну.

— Вуньо. Руна радости и гармонии. На отношения. Хороший знак. Ваша история не закончена. Потенциал есть. Но Вуньо — награда за преодоление. Она не приходит просто так. Вы не проснётесь завтра, и всё не станет хорошо. Вам нужно пройти через застой и через твоё исцеление, чтобы прийти к радости. Без взаимных претензий. Только на этом фундаменте можно строить новое «мы».

Он слушал, затаив дыхание. А я чувствовала, как от него идёт странная, тяжёлая волна. Мне казалось, я разговариваю не только с ним. Будто в комнате был кто-то ещё. Кто-то, кто смотрел на меня его глазами. Но тогда я списала это на его эмоциональный перегруз.

— Отпусти ситуацию, — закончила я. — Не пиши ей сей-

час. Не пытайся вернуть силой. Дай время растопить лёд. А ты займись собой. Физически. Спортом. Домом.

— Я всё понял, — он выдохнул, плечи слегка опустились. — Я намерен пока оставить её в покое. Займусь собой. У меня как будто даже сила появилась...

Он замолчал, глядя в стол. Я почувствовала лёгкое головокружение. Словно сдала сложный экзамен.

— На сегодня это всё, что я могу сказать о развитии ваших взаимоотношений. Теперь второй вопрос... Ты хочешь узнать, какие события тебя ожидают в ближайшие двенадцать месяцев?

— Да, можно?

— Можно. Только давай так: ты вытащишь руны, я сфотографирую расклад, а потом напишу трактовку. Так удобнее — информация всегда будет под рукой. Идёт?

— Действительно, очень удобно!

— Тогда поехали!

Он вытащил руны, я разложила их, сфотографировала и уже хотела попрощаться, но он набрал полную грудь воздуха и выпалил:

— И ещё... у меня такое ощущение, что ко мне прицепилась лярва. Я вздрогнула.

— Что? — переспросила я, стараясь, чтобы голос не выдал удивления.

— Ну, эта... астральная сущность, — он смутился. — Я читал в интернете. Мне кажется, меня что-то душит по но-

чам. Или кто-то. И вообще... я себя странно чувствую. Будто я не я.

«Да ладно, — подумала я. — Интересненько... К ведьме пришёл человек с жалобой на лярву. А сама ведьма только что полночи отбивалась от настоящей твари, которую тоже считала лярвой. Совпадение?»

— Значит, лярва, — медленно произнесла я. — А может, дело не в ней?

— А в чём? — он поднял на меня глаза, и я увидела такую тоску и страх, что снова пожалела его. — Я уже не знаю. Запутался. Чувствую, со мной что-то не так. Стал вспыльчивым, агрессивным. Меня несёт. Говорю людям гадости, остановиться не могу, а потом ненавижу себя. Мне кажется, я схожу с ума.

Я смотрела на него и видела не просто мужчину с проблемами в личной жизни. Я видела сломанного человека силы. В нём что-то дремало. Мощное и древнее. И это «что-то» рвалось наружу, пугая его самого.

— Скажи мне, Александр, — сказала я, наклоняясь чуть вперёд. — Ты часто чувствуешь ложь? Когда люди говорят одно, а ты чувствуешь, что врут, и тебя буквально трясёт?Он замер.

— Откуда вы знаете? — прошептал он. — Да. Постоянно. Чувствую фальшь за версту. И меня это бесит. Не могу контролировать. Начинаю злиться, кричать... А потом оказывается, человек действительно врал. Но мне никто не верит.

Думают, я псих.

— Ты не псих, — сказала я тихо. — И это не лярва. Это твоя сила. Ты просто её боишься.

— Сила? — он усмехнулся, но в глазах был страх. — Какая сила? Я обычный мужик. Работаю, таскаю тяжести, пытаюсь вернуть жену. У меня нет никакой силы.

— Есть, — отрезала я. — И она тебя гнетёт. Делает сверхчувствительным. А сверхчувствительность — медаль о двух сторонах. Ты чувствуешь всё: ложь, фальшь, эмоции других. Но когда не знаешь, что с этим делать, это переполняет и выливается в агрессию. Ты как оголённый провод. Пока не научишься с этим жить, тебя будет нести во все стороны. Он побледнел.

— Я не хочу никакой силы, — сказал глухо. — Хочу, чтобы всё стало как раньше. Хочу вернуть Аню.

— А ты уверен, что дело в ней? — спросила я. — Может, ты хочешь вернуть не её, а себя? Того, кем был с ней? Или до неё. Того, кем не стал? Он посмотрел на меня так, будто я его ударила.

— Я... не знаю, — выдавил он.

— Вот и я не знаю, — сказала я мягко. — Сделаю расклад вечером. Посмотрим, что там у тебя. И что с тобой. Оставь номер — скину расклад и расшифровку.

Он кивнул. В этом кивке было столько отчаяния, что я поняла: человек дошёл до края. И пришёл он не за женой. За спасением.

— А сейчас мне нужно отдохнуть и сделать компресс на ногу.

— Да, конечно, можно я зайду завтра? Хотел бы помочь с дровами — перенести в коридор. Всё же ближе и проще, — искренне сказал он, поднимаясь. — Спасибо за расклад. Я... пойду. Мне нужно подумать.

Я кивнула, проводила его. Когда он вышел, я прикрыла дверь и прислонилась к ней спиной. В доме было тихо. И только тут поняла: у меня вспотела спина.«Что это было? — подумала я. — Почему казалось, что в комнате был кто-то третий?»

Телефон завибрировал. Влада. Ну конечно.

— Маш! — голос бодрый, деловой. — Ну что, лекарства дошли?

— Дошли, — сказала я снова ставя чайник. — Спасибо, Владушка. Ты меня спасла. И шоколадка, и носочки. Очень милые.

— Нравятся? — спросила она.

— Очень, — подтвердила я, улыбнувшись. — Пушистые. Уже надела. Как лапки в облаке.

— Ну вот и славно, — Влада хмыкнула. — А то я знаю тебя: опять в чёрных носках с дыркой ходила бы.

— Неправда, — оскорбилась я. — У меня все носки целые. Почти.

Она засмеялась. Я тоже. В этом смехе было что-то тёплое, домашнее, чего мне не хватало последние дни. Я налила ко-

фе в любимую кружку. Голубую, с серебристым узором по краю.

— Я, кстати, кофе пью, — сказала я, делая глоток. — Из твоей кружки

— Из какой? — переспросила Влада.

— Из голубой. С серебристым узором. Ты же мне её подарила. На новоселье.

На том конце повисла пауза.

— Маш, — сказала Влада медленно. — Ты чего? Я тебе розовую дарила. Розовую, с золотыми полосками. Я же тебе всё розовое дарю, чтобы ты хоть немного женственнее стала. И носочки розовые, и кружка розовая. Ты забыла?

Я посмотрела на кружку. Голубую.

— Влад, — сказала я осторожно. — Она голубая. Я на неё смотрю. Прямо сейчас.

— Маш, ты меня пугаешь, — Влада уже не смеялась. — Я помню, как выбирала её. В магазине на Ленина. Ты ещё потом сказала: «Ну наконец-то, а то у меня всё синее да чёрное». И мы смеялись, что ты теперь «девочка-девочка».

Я смотрела на кружку. Голубая. Серебристый узор. И я помнила, как она появилась. Как Влада вручила пакет, как я развернула бумагу, как достала её. Голубую.

— Влад, — сказала я тихо. — Она голубая.

— Маш, — голос стал серьёзным. — Ты не шутишь?

— Не шучу.

— Тогда... я не знаю, — она помолчала. — Может, я тебе

две дарила? Одну на новоселье, другую на день рождения?

— Одну, — сказала я. — Я помню.

— И я помню одну, — сказала Влада. — Только розовую.

Мы помолчали. Потом она сказала:

— Маш, ты это... Не загоняйся. Может, это я перепутала. Память девичья. Может, себе розовую купила, а тебе голубую. А теперь думаю, что тебе розовую дарила.

— Может быть, — сказала я. Но я знала: она не путает. Или нет, ерунда какая-то.

— Ладно, — сказала Влада, и в голосе была фальшивая бодрость, которой она прикрывала тревогу. — Ты там это... пей свой кофе. Из голубой. И выздоравливай. Я ещё позвоню.

— Позвони, — сказала я. Мы попрощались. Я положила телефон и уставилась на кружку. Голубая. Серебристый узор. «А что, если... — подумала я. — Что, если это не Влада путает? Что, если это я путаю? Что, если это вообще не моя кружка?». Я провела пальцем по краю. Гладкий. Прохладный. Настоящий. «Стоп, — сказала я себе. — Ты сходишь с ума? Это просто кружка. Влада могла забыть. Ты могла забыть. Люди постоянно что-то путают. Это нормально».Но что-то внутри — то самое, что помнило хруст костей под колесом экскаватора, — не хотело успокаиваться. Надо погуглить.

Я взяла телефон, села поудобнее и начала искать.«Эффект Манделы», «сбой реальности», «квантовое бессмер-

тие», «перескок в другую ветку». Статьи были разные. Одни говорили, что это просто ошибка памяти. Другие — что это доказательство существования параллельных вселенных. Третьи — что это «глюки» в матрице. Я читала про то, как люди помнят события, которых не было. Как целые группы людей уверены, что какая-то фраза звучала иначе, или что какой-то фильм заканчивался по-другому. И все они были уверены в своей правоте. Так же, как я — в том, что моя кружка всегда была голубой.

И тут я наткнулась на статью про многомировую интерпретацию квантовой механики. Суть была в том, что каждый раз, когда происходит какой-то выбор, реальность расщепляется на несколько веток. И мы живём в одной из них. Но иногда эти ветки могут «пересекаться». И тогда возникают «сбои».

«Значит, — подумала я, — я не просто перескочила. Я попала в ветку, где всё почти так же, как было. Но не совсем. Где-то кто-то ошибся. И теперь я вижу эти ошибки.»

Босс недовольно мяукнул, требуя, чтобы его погладили. Я машинально почесала его за ухом. «И что мне с этим делать? — подумала я. — Сказать Владе? Она и так думает, что я того. Папе? Он не поймёт. Нет. Это моё. Мои глюки. И я буду с этим разбираться сама».

«А что, если таких глюков будет больше? — мысли жужжали бешенным потоком. — Что, если я начну замечать, что не только кружка не та? Что, если завтра окажется, что у ме-

ня другая собака? Другой дом? Другая жизнь? Что, если вся эта ветка — не просто другая, а... бракованная? И я в ней — единственная, кто помнит, как должно быть?»

«Ладно, — проговорила я вслух, успокаиваясь при звуках своего голоса. — Значит, у нас теперь есть ещё одна линия. Не только Илья и демон. Ещё и глюки. И если я найду достаточно глюков, я, может быть, пойму, как эта система работает. А если пойму, как она работает... — я усмехнулась, — ...то, может быть, научусь её чинить. Или хотя бы пользоваться. Как хакер. Как та, кто всегда выживает. Даже в бракованной ветке».

Остаток дня прошёл в привычной суете: печка, питомцы, приготовление нехитрого ужина, общение с роднёй и друзьями, компресс на ногу и невесёлые размышления. Вопросов было больше чем ответов. Ну почему у меня всё не как у людей? Где другие спокойно пройдут, я обязательно каких-нибудь приключений найду?

Стемнело, пора было заняться раскладом, а потом и третий узел. Я вздрогнула, вспомнив слова ночного гостя: «Дверь, которую ты открываешь сама...». Что, если своим ритуалом я действительно открываю ему доступ? Но во сне он ничего не может сделать мне, ему нужно моё согласие. На что? Да неважно! Всё равно он его не получит. Пусть пугает, соблазняет, давит... Плевать! И не таких обламывала.

Я открыла фото расклада и занялась расшифровкой. Александр этот ещё... Странный и интересный. Я вспомнила

его глаза и отложила телефон. Кто же ты такой?.. И почему вызываешь у меня такие непонятные ощущения? Ладно, поживём — увидим.

Я закончила расшифровку и отправила ему, открыла его аватарку в чате и стала внимательно её рассматривать. А мужик- то симпатичный, высокий!

«Тьфу Мария!» — тут же осекла я сама себя — « Что это за мысли?» . Я положила телефон и направилась в мастерскую — пора было зажигать третью свечу.

Глава 14

В голове всё ещё крутился первый расклад Александра.

Иса. Уруз. Вуньо.

Иса.

Лёд. Застой. Пауза... И тут пазл сложился.

«Иса... — подумала я. — Это же не только про его жену. Это про меня. Это про то, что Илья сделал со мной!».

Я вспомнила свой недостроенный дом. Свои планы на осень — доделать крыльцо, ремонт в гостиной, новая ванная, новый творческий проект, подготовка дома к зиме... Вспомнила, как собиралась в город на выходные, чтобы купить материалы. Вспомнила, как всё это рухнуло в один момент...

Нужная эмоция начала разгораться внутри ледяным пламенем.Он поставил мою жизнь на паузу. Заморозил. Одел в гипс. И оставил стоять в этой глуши, глядя на море, без возможности что-то изменить.

— Значит, Иса, — сказала я тихо. — Лёд. Пауза.Я взяла третью свечу и атам. На этот раз рука не дрожала. Я знала, что хочу сказать.

П А У З А

Воск поддавался легко. Буквы получались ровными и глубокими. Я установила свечу на алтарь и зажгла фитиль. А потом взяла красную нить и сделала третий узел.

— За эту остановку. — сказала я. — Ты поставил мою

жизнь на паузу, покалечил меня, и теперь я беспомощно сижу здесь, как в клетке. Ремонт стоит. Планы рушатся. Зима близко, а я не готова. А ты сидишь там и тянешь время. — Я замолчала, чувствуя, как внутри всё выше и плотнее поднимается холодная, тугая злость, глубокий вдох... — Так получи же обратное, Илюша. Пусть твоя жизнь тоже встанет. Пусть всё, что ты планировал, отложится. Пусть ты застрянешь. Пусть ты смотришь на часы и понимаешь: они идут, а ты — нет.

Пламя свечи дрогнуло и выпрямилось.Я посидела ещё минуту, глядя на огонь. «Иса». Руна льда. Руна паузы. Сегодня её вытащил Александр. На Анну. Она тоже застыла. Тоже в паузе. Только она застыла в обороне, а Илья — от трусости. Разница есть. Но результат один: все стоят на месте. И никто не двигается.Я усмехнулась.

— Забавно, — сказала я вслух. — У всех пауза. Только у меня она — вынужденная. А у них — выбранная.

Я закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов, концентрируя всю свою энергию и направила её в пламя свечи.Тяжесть покидала меня, уходя сначала мощным потоком, потом всё тише и вот уже по капле, с каждым выдохом. В голове зазвенела лёгкость, в груди как будто больше места — мне стало свободнее дышать.

Я открыла глаза, взяла догорающую свечу и подожгла центральную.Лёгкость, поселившаяся во мне, сформировалась в простое знание, а затем в принятие: «Всё, что отнялось,

вернётся десятикратно, в лучшем виде, поэтому — отпускаю...».

Я затушила огарок «паузы» и закрепила третий узел в ещё тёплый воск, посмотрела на три огарка. «Боль». «Нужда». «Пауза». На пылающий «ДОЛГ».

— Пока не отдашь — не отпустит!

Я задула свечу и вдруг поняла, что в мастерской стало холоднее. Или это просто лёд Исы начал свою работу?Завтра будет новый день. И новый узел. Я точно знала, что с этого момента тишина в его телефоне станет намного громче. И не только в телефоне.

В спальне было тихо. Босс уже спал, свернувшись клубком на моей подушке. Ян дремал у двери.Я подвинула кота и легла, но сон не шёл. В голове крутились мысли о сегодняшнем дне, о третьем узле, об Илье, об Александре. И, конечно, о нём. О ночном госте.

«Сегодня я не злилась, — рассуждала я. — Ну, почти. Ритуал — это была холодная злость. Контролируемая. Я не давала ей вырваться. Значит, и дверь я сегодня не открывала».Но тут же вспомнила его слова: «Ты сама меня впустила. Своими эмоциями». Он сказал это с такой уверенностью, что я невольно поёжилась.

«А если он врёт? Может он просто нашёл другой способ? Что, если он входит не только через эмоции? Вдруг он может открывать эту дверь сам?»Я села в постели. Нет. Полагаться на его слова — глупо. Надо перестраховаться. Я ведьма или

где?

Я встала, поскакала на одной ноге обратно в мастерскую и взяла свой атам. Вернулась в постель и сунула его под подушку. Железо. Оно всегда было защитой — это уже что-то.Потом я легла обратно, закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

«Ладно, — подумала я. — Если он придёт — я не буду злиться. И не буду бояться. Я буду... я буду думать о чём-то скучном. О том, что завтра надо почистить раковину. О том, что Боссу пора купить новый корм, а себе... Например запас прокладок!».

Я хихикнула представив его лицо, когда он поймёт, что я не реагирую. Как он будет стоять и ждать, а я буду думать о списке покупок.«Вот так-то, — подумала я, проваливаясь в сон. — Приходи. Я тебя, сука, скукой убью».

Я стою на новом крыльце из светлого дерева, с резными перилами. За спиной — мой дом. Тёплый, пахнущий деревом и печкой, с большими окнами, в которые с утра заглядывает солнце, а вечером — луна.Я открываю дверь, и меня встречает уютная, живая тишина. В углу гудит холодильник, на печке стоит заварник, из которого тянет Иван-чаем и мятой. На подоконнике — баночки с сушёными травами, собранными мной в тайге. Рядом — стопка книг.

Я прохожу на кухню. Там уже стоит на столе чашка моего любимого чая, рядом баночка с мёдом. Я не знаю, кто его заварил. Может, сама. Может, кто-то ещё. Но чай горячий,

ммм...

Беру чашку, иду в гостиную, сажусь у окна. Там, за стеклом, море. До самого горизонта, бирюзовое, с белыми барашками. Вдалеке парит орёл. Мой орёл.

И вдруг я слышу шаги. Кто-то подходит сзади, кладёт руки мне на плечи.Я не оборачиваюсь. Я будто знаю, кто это. И чувствую, как от этих рук разливается тепло. Оно окутывает меня, как мягкий, тяжёлый плед. Меня больше не трясёт от холода. Меня больше не тревожит страх. Я чувствую себя в безопасности. Абсолютной. Такой, какой не было уже очень давно.

— Ты проснулась? — спрашивает он. Голос низкий, спокойный.— Ещё нет, — отвечаю я. — Я во сне. Но мне хорошо.

Он садится рядом. Мы пьём чай, смотрим на море и молчим. И это молчание — лучше любых слов. Он обнимает меня, и я прижимаюсь к его плечу. Так тепло. Так надёжно. Кажется, что весь мир за окном может рухнуть, а здесь, в его руках, я в порядке...

Но что-то не так. Я смотрю на море — как будто оно не дышит. Орёл всё ещё парит, но его полёт кажется слишком медленным. За окном не меняется свет. Ни одна чайка не кричит.А его руки... они тёплые. Но в этой теплоте есть что-то ещё. Какое-то странное, чужое чувство. Как будто этот плед из тепла, которым он меня укрыл, слишком тяжёлый. Как будто он не греет, а сдавливает.

— Красиво здесь, правда? — говорит он. — Дом достроен. Море шумит. Мы вместе. Всё, как ты хотела.

Я отстраняюсь. Смотрю на него.... Александр?! Это ещё с какого хрена бы?Его серо-голубые глаза, его улыбка. Но что-то не так. Слишком идеально. Слишком правильно. Будто кто-то нарисовал его по фотографии, но забыл вдохнуть жизнь...

— Красиво, — соглашаюсь я. — Только знаешь, что странно? — я отставляю чашку. — Мой настоящий дом пока не достроен. Крыльцо ещё не начиналось. И ванная не сделана. И зима близко. А здесь... всё уже идеально. — Я сжимаю кулаки. — И ты. Ты же не Александр.

Он замирает. Улыбка на его лице начинает медленно сползать, превращаясь в оскал.

— С чего ты взяла? — спрашивает он. Голос становится ниже, искажается.

— Потому что Александр никогда не нальёт мне чай, не сядет у меня за спиной и не погладит по плечам, как любящий человек, — говорю я, чувствуя, как внутри поднимается злость, но я удерживаюсь на этой волне, как летом на любимом сапборде в шторм. — Он любит свою жену! А ты... ты просто взял и притворился!!

Стены дома начинают трескаться. Море за окном темнеет, становится свинцовым. Орёл замирает в воздухе.

— Я дал тебе то, что ты хочешь! — рычит он, и лицо его размывается в чёрную, бесформенную массу, глаза за-

гораются адским пламенем. — Идеальный дом! Идеальную жизнь! Мужчину, который тебя любит! Разве не этого ты хотела?

Я смотрю на него и усмехаюсь.

— Я бы хотела, чтобы ко мне пришли с искренностью и уважением. А ты пришёл с подделкой, да и с мужиком не угадал... Мне жгучие брюнеты нравятся!

Пальцы нащупывают холодную рукоять атама.

— Ты проиграл, — говорю я, вытаскивая нож. — Потому что я не куплюсь на идеальную картинку. Мой настоящий дом стоит, ждёт меня. И я его дострою. Сама.

Я замахиваюсь атамом.И просыпаюсь.

Солнце заливает спальню, пробиваясь сквозь шторы. Первая мысль: «Атам!». Я сунула руку под подушку. Холодная рукоять на месте. Вторая мысль: «Я выспалась?». И это было так странно, так непривычно, что я даже замерла. В последнее время я либо не спала, либо просыпалась от паники, боли или кошмаров. А тут — просто выспалась. Тело было лёгким, голова ясной.

Я потянулась в кровати, как кошка, и потрепала ещё спящего Босса за ухом. Тот недовольно мурлыкнул, но не убежал.

— Доброе утро, шерстяной, — сказала я. — Сегодня, кажется, будет хороший день.

И тут же, от избытка чувств, резко вскочила с кровати. Нога отозвалась такой острой болью, что я взвыла и рухнула

обратно на подушку.

— Да твою ж мать! — выдохнула я, хватаясь за многострадальную конечность. — Мария, ну ты дура?! У тебя же гипс!

Боль пульсировала, доставая до самого мозга. Я полежала несколько минут, приходя в себя.

«Слишком хорошо всё не бывает, — подумала я. — Ибо не хуй расслабляться!». Но это не испортило мне настроение. Я подхватила костыли и, грохоча ими по полу, поскакала на кухню. Босс лениво поплёлся следом. Ян уже ждал у двери, виляя хвостом, я выпустила его на улицу и вернулась в дом.

На кухне я поставила чайник, насыпала кофе в кружку. Пока он закипал, умылась холодной водой и посмотрела на себя в зеркало. Отражение мне понравилось. Глаза блестели, щёки порозовели. Даже синяки под глазами стали не такими заметными.

«Хороша чертовка, — подумала я. — Даже с гипсом». Чайник закипел. Я налила кофе, взяла чашку и села за стол. И только тут взяла телефон. На экране висело несколько сообщений от Александра. Я улыбнулась, отпила кофе и открыла чат.

Александр: «Мария, здравствуйте, всё вроде понял, спасибо вам большое ещё раз. А сколько вообще стоят ваши услуги? Есть прайс у Вас?»

Я могла бы и дровами взять, но раз уж ты сам спросил...

Я: «Стандартный расклад 1500, а чистки, прочие ритуа-

лы, восковые отливки, амулеты и обереги — по-разному, в зависимости от ситуации».

Александр: «Чистку бы мне не помешало сделать... Я всё-таки уверен, что ко мне прицепилась лярва».

Ну, лярва так лярва...

Я: «Чистку всем надо раз в год делать. Людей много разных, и негатива всякого можно нахвататься и без лярв».

Александр: «Я намерен пока оставить Аню и не доставать её, и не писать. Займусь собой, и действительно у меня как будто появилась физическая сила… займусь спортом ещё плотнее. А когда можно чистку сделать?»

Я: «Насчёт чистки, сделаем примерно через 2 недели, не меньше. Я бы сделала и раньше, но я просто физически не могу. Как ты, наверное, заметил, я на костылях с гипсом двигаюсь. Однако так даже лучше — ты сможешь подготовиться, за 10 дней. Позже скину инструкцию. Кстати, ты делал медитации или какие-то другие энергетические практики?»

Александр: «Что ж вы так не бережёте себя, выздоравливайте. Практики не делал».

Я: «В первую очередь я человек, который, как и все, совершает ошибки, спасибо. Если ты готов работать над собой, то позже вышлю инструкцию».

Александр: «Хорошо… я готов менять себя».

Я: «Не надо менять. Надо узнавать».

Я допила кофе и отставила чашку. «А сколько стоят ваши услуги?». Точно!.. Я же совсем забыла. Я зашла на свой сайт.

На странице висело несколько заявок от старых клиентов. Кто-то просил оберег на удачу, кто-то — защитный амулет для дома. И я вспомнила, что у меня заканчиваются заготовки. Луна-то уже на ущербе, скоро пойдёт на рост. А растущая луна — это лучшее время, чтобы заряжать амулеты на привлечение, на защиту, на здоровье.

— Тааак, — сказала я себе, поднимаясь из-за стола. — Хватит страдать хернёй. Пора работать.Я подхватила костыли и поскакала в мастерскую.

Там пахло деревом, воском и пылью. Я открыла ящик, где хранились заготовки: куски дуба, березы, орешника. Отдельно лежали небольшие, гладкие камни, которые я собирала в местах силы и добывала порой в самых неожиданных локациях.

Я села за свой рабочий стол. Взяла в руки кусок орешника, зарядила в гравёр нужную насадку и начала шлифовать. Монотонная, физическая работа — это лучшее лекарство от дурных мыслей. Руки заняты, голова потихоньку проветривается.

«Почему он выбрал Александра? — думала я, сдувая деревянную пыль. — Почему не Илью? Не бывшего мужа? Не кого-то из прошлого?»

Ответ пришел сам собой, как только я провела пальцем по гладкой поверхности дерева. Потому что Илья — это боль и ложь. Это грязь, которую я уже вижу насквозь. Демон понял, что пугать меня Ильёй бесполезно. Я его не боюсь и не хочу,

я его презираю. А вот Александр... Александр — это тепло и интересно. Хотя вот тоже, с хрена ли бы? Это же рабочий момент...

Демон, или кто он там — он же не просто так приходит. Он питается эмоциями. И если он не может взять злостью или страхом, он берет надеждой. Он надел маску того, кому я хочу доверять (Правда хочу?). Он показал мне ту жизнь, о которой я мечтаю (Но разве с ним?). Чтобы я расслабилась. Чтобы я поверила. И когда я поверю — он заберет всё.

— Хитрый сукин сын, — пробормотала я, откладывая готовую заготовку. — Ну ничего. Я запомнила.

Я взяла в руки морской камень и принялась за него. Через пару часов на столе лежали ровные, отшлифованные заготовки под амулеты. Деревянные плашки, каменные кругляши. Светлые, чистые, ждущие, когда в них вдохнут силу. Я посмотрела на них, чувствуя гордость и прилив сил — любимое занятие всегда заряжает.

Ну что ж. С этими делами разобралась. Пора заняться здоровьем. Я доковыляла до спальни, сделала компресс на ногу, теперь надо часик полежать. Проверим что там у нас по связям с общественностью.

В переписке с «Илюшей Сыкуном» по-прежнему было глухо, как в танке. Ни «как дела», ни «привет». Просто тишина.«Ну, нет, — подумала я. — Так не пойдет. Выпишу тебе направительный пендель». Я открыла чат и быстро набрала:

«Ну чё, ты до города добрался?»

Отправила, положила телефон и стала смотреть в окно. Прошла минута. Две. Телефон пиликнул.

Илья: «Да, вот только приехал. Снега на перевале было много. Задолбался ехать, спина болит».

Я уставилась на экран. Спина у него, сука, болит. А то, что у меня нога немеет и я иной раз от боли на стену лезу — это, конечно, хуйня, не стоит внимания.

Илья: «Как ты себя чувствуешь? Сегодня встречусь с врачом, поговорю как раз».

Ага. Значит, сегодня. Ну посмотрим...Я сделала глубокий вдох и написала:

«Хорошо, что доехал. Нога немеет, мне страшно, как поговоришь сразу позвони!».

Отправила. В доме снова стало тихо, только ветер шумел за окном. А в голове крутилась одна и та же мысль: «Нахуя он мне тогда это сказал?» Зачем? Чтобы я растаяла? Чтобы я, как дура, бросилась ему на шею со словами: «Ах, Илюшенька, бедненький ты мой, пять лет страдал, любил, молчал, иди я тебя приголублю»?

Фу бля!

Пять лет он ходил вокруг, смотрел масляными глазами, поправлял чёлку, но ничего не делал и молчал. А как только я оказалась в его машине и она перевернулась — у него смелость проснулась.

«Я люблю тебя уже пять лет»...

Да что это за любовь такая, которая прячется в молчании? Разве влюблённые мужчины так себя ведут? Разве они ждут так долго, чтобы сказать о своих чувствах? Нормальный мужик, если любит, — он действует. Он завоёвывает, добивается, решает проблемы, а не создаёт их. Он приезжает среди ночи, чтобы помочь... А этот — только и умеет, что прятаться за чёлкой да тянуть своё вечное «завтра».

Тряпка сопливая!

Глава 15

Я не заметила, как провалилась в лёгкий сон. С компрессом на ноге, с мыслями об Илье, с Боссом, который пристроился у меня в ногах.

Проснулась я от того, что телефон вибрировал на столе.

Я открыла глаза. Сколько же я проспала? Час? Два?

Я потянулась за телефоном. На экране светилось имя: Александр.

Сердце почему-то ёкнуло. Я сбросила вызов, чтобы окончательно проснуться, и перезвонила.

— Алло, Мария? — голос у него был спокойный, но какой-то... смущенный, что ли. — Я вас не разбудил? Извините.

— Да нет, ничего, — я села на диване, поправляя сползший компресс. — Я просто прилегла на минуту. А получилось на два часа.

— Понятно, — он помолчал. — Я тут пока свободен, помню, что вам нужно дрова в коридор перетаскать, чтобы ближе было. Я могу прийти. И ещё воды привезти, если нужно.

Я посмотрела на часы. Почти шесть вечера.

— Сейчас? — уточнила я.

— Ну, если вы не против.

Мне стало приятно. Правда. От этого звонка, от его спокойного голоса, от того, что он вспомнил про дрова. Но в то

же время где-то внутри шевельнулся червячок.

«Зачем ему это? — подумала я. — Просто помочь? Или он что-то хочет от меня? Может, ему нужно откупиться за чистку? Или это такая форма ухаживания?»

— Мария? — позвал он. — Вы там?

— Да, — я выдохнула, отгоняя подозрительные мысли. — Приходите. Дрова в коридор — это было бы отлично.

— Хорошо, — в его голосе послышалась улыбка. — Через полчаса буду.

— Жду, — сказала я и положила трубку.

Я посидела ещё минуту, глядя на телефон. Потом встала и поскакала на кухню — ставить чайник.

Раз уж он приедет помогать, надо хотя бы чаем напоить. Или кофе.

«Может, всё проще, чем я думаю, — мелькнула мысль. — Может, он просто хороший мужик. Который пришел помочь. Просто так».

Я открыла холодильник и с тоской посмотрела на полку: грустная картина, надо бы закупиться... Даже чай заварить — и то нечем закусить.

— Ну что ж, — вздохнула я, закрывая дверцу. — Значит, сегодня — чай с печеньем. Ещё с прошлой недели осталось.

Я поставила чайник. Пока он закипал, привела себя в порядок: расчесала волосы, накинула чистый бежевый свитер, мягкие брюки палаццо. Не ради него, конечно. Просто чтобы самой не чувствовать себя как чучело.

Стук в дверь раздался ровно через полчаса.

Я открыла. На пороге стоял Александр. В руках — пакет, из которого торчало что-то вроде упаковки молока, каких-то ещё пачек и пакетиков.

— Здравствуйте, Мария. Это вам, — он протянул пакет. — Я подумал, что у вас, наверное, продуктов нет. А мы сегодня в магазин ездили, вот я и вам немного взял.

— Спасибо, — растерянно сказала я, принимая пакет.

— Я не в гости, я по делу, — улыбнулся он. — Где дрова?

— Всё там же, где и вчера, — улыбнулась я в ответ.

Он кивнул, скинул куртку и пошёл к дровам. А я заглянула в пакет. Там были молоко, яйца, хлеб, немного сыра и шоколадка.

Я не удержалась и улыбнулась.

— Чай будете? — крикнула я из кухни.

— Буду, — отозвался он из коридора. — Спасибо.

Я заварила чай, достала печенье. И в этот момент телефон на столе завибрировал. Я взяла его. На экране светилось имя:

Ислам Мастер.

«Ассаляму алейкум, Мария. Я через две недели прилечу в ваш город. Как ваше здоровье? Я помню, вы обещали мне сеанс огненного массажа. Если вы всё ещё не против, я бы хотел вас увидеть».

Я замерла с телефоном в руке, а перед глазами вдруг вспыхнула картинка. Та самая комната. Приглушенный свет. Запах трав и масел. И его руки.

Ислам. Мастер.

Я вспомнила, как в нашу первую встречу стояла перед ним в одном белье. Как он осматривал и ощупывал моё тело, хмуря брови и задавая свои рабочие вопросы, а также рассуждая вслух о том, что с моим телом было не так.

Вспомнила, как лежала на татами. Как он сказал: «Расслабьтесь, Мария. Я буду работать с вашим телом. Вы себя, конечно, запустили, но всё исправимо».

Работа шла тяжело. Временами мне было очень больно. Я вдруг поняла, что не могу расслабиться. Потому что я привыкла всё контролировать. Привыкла быть сильной. Привыкла, что если я расслаблюсь — меня либо ударят, либо используют.

А он ждал. Не давил. Не торопил. Просто был рядом, мягко правил моё тело, смотрел, задавал вопросы и говорил. Он читал меня как книгу. Он назвал все мои травмы и каждую боль, которую помнило моё тело, но уже забыл мозг. И в какой-то момент я почувствовала, что могу. Могу просто расслабиться и довериться. Полностью. Целиком. Без тени сомнений. Как, наверное, не доверяла никому и никогда в жизни. Так, как мне всегда хотелось.

Я была вымотана. Устала быть сильной и тащить всё на себе. И когда он положил руки мне на крестец и приспустил бельё, чтоб не мешало, я вдруг поняла, что могу просто быть. Не бояться и не ждать подвоха. Не делать. Не решать. Не спасать. Просто быть. А он сделает всё, что нужно для моего

здоровья.

Я сняла с себя всё. Даже самое нижнее бельё. Потому что оно мешало. Потому что я хотела, чтобы он ни на что не отвлекался, чтобы его руки касались меня без преград. Глаза у него загорелись, но не вожделением, а интересом настоящего Мастера. Я знаю это ощущение.

Это когда ко мне приходит человек и говорит: «Делайте всё, что нужно, сколько бы это ни стоило. Я больше не могу, сдаюсь, я верю Вам» — у меня с такими людьми крылья раскрываются, энергия прёт бешеным потоком, и всё получается гораздо быстрее и качественнее.

Он смотрел на меня с такими горящими глазами, что у меня внутри всё переворачивалось.

А он просто работал. Вправлял. Растягивал. Ставил на место. Говорил, когда и как правильно дышать. Гладил. Чувствовал. Спрашивал чувствую ли я импульсы. Восхищался моей выдержкой и терпением.

Хмурил брови — « У вас много холода внутри». Я лишь вздохнула тогда. Моя внутренняя "иса" была уже очень и очень многолетней... Слишком много боли, проще заморозить и идти дальше, чтобы не захлебнуться в этом море.

Ставил иглы. А когда я замерзла и начала дрожать — не от холода снаружи, нет, в комнате было тепло, а от холода внутри, который Мастер из меня выпускал — он лёг рядом и просто обнял. Аккуратно сгрёб меня, дрожащую и слабую в кучу и бережно окружил кольцом сильных рук, как малень-

кого котёнка. И его руки были такими сильными и горячими, что я впервые за долгое время почувствовала себя в абсолютной безопасности.

Это было больше, чем секс. Намного больше. Хотя самого секса не было, но вот близость и слияние энергий было, было то, чего я не испытывала никогда: полное, абсолютное доверие. Я отдала ему себя. Не тело. Себя. И он это бережно принял и починил...

— Мария? — голос Александра выдернул меня из воспоминаний. — Вы здесь?

Я вздрогнула и обернулась. Он стоял в дверях кухни с дровами в руках.

— Да, — сказала я, пряча телефон в карман. — Извини. Задумалась.

— Всё в порядке? — он смотрел на меня с беспокойством. — Вы какая-то бледная.

— В порядке, — я выдавила улыбку. — Просто вспомнила кое-что.

— Печку топить будем? У вас прохладно сегодня. Вот дрова занёс, а вот щепочки, сразу сделал побольше.

— О! За щепки отдельное спасибо!

— Ладно, поджигайте печь, а я пойду дальше дрова заносить, ещё немного осталось.

— Хорошо, спасибо.

Я села у печки и начала машинально закладывать топку.

Рядом, в коридоре, гремел дровами Александр. А в теле-

фоне — Мастер, который вправлял мой копчик, ставил иглы и называл меня музой. Он сказал, что искал такую, как я.

Мы с ним долго говорили тогда. Об энергиях, о религии, об устройстве вселенной, о том, что наше тело напрямую, через боль, передаёт нам то, что происходит с нашей душой. Что он возвращает гармонию и баланс руками, исцеляя плоть, а я работаю с другой стороны — исцеляя душу. И согласились с тем, что всё, что исправлено в мире духа, воплотится и на физическом уровне, и наоборот.

Я рассказала ему о своих практиках и сеансах. Я не умела править кости, но я умела запустить импульсы Ци в теле человека с помощью массажа огнём. Этому искусству я научилась когда-то давно в Китае, когда ещё искала себя и знакомилась с силой, живущей во мне. Интересное было время... Я искала себя, наставников и знания, знания, знания...

Огонь в печке весело потрескивал, отдавая долгожданное тепло. Я закрыла дверцу, пододвинула поближе стул и села, глядя на пламя через щёлку. В голове всё ещё звучал низкий, спокойный голос Ислама, и я чувствовала лёгкую вибрацию в некоторых местах, куда он когда-то ставил иглы.

— Ну вот, кажется, всё, — Александр появился на кухне, отряхивая руки от древесной трухи. На лбу у него блестели капельки пота, а щёки раскраснелись от прохладного воздуха и физической работы. Я невольно залюбовалась им — сегодня его глаза были больше голубыми, какого то потрясающе небесного оттенка и как будто даже мягко светились из-

нутри.

— Спасибо, — я кивнула на дверь в коридор. — и давай уже на "ты"?

— Это тебе спасибо, — он улыбнулся и кивнул на стол, — Ну что, будем чай пить?

— Будем, — я поднялась, взяв костыли, и поняла, что мы слишком близко стоим друг к другу. По телу пробежала горячая волна.

Это ещё что такое?

Я опустила глаза и быстро прошла к столу, нарезала хлеб, достала сыр и печенье. Заварила чай. Мы сели друг напротив друга. В доме стало тепло и как-то... по-домашнему, что ли.

Я смотрела, как он берёт кусок хлеба и сыра, как он аккуратно размешивает сахар в кружке. Его руки были сильными, с коротко остриженными ногтями и следами от мозолей. Обычные мужские руки, которые умеют держать инструмент.

«Совсем не такие, как у Ислама», — мелькнула предательская мысль. Руки Мастера умели читать тело, находить зажимы и причинять ту особую, исцеляющую боль. А руки Александра таскали дрова и спасали от падения, и это было не менее важно. Даже больше. Особенно сейчас.

Он откусил бутерброд и посмотрел на меня. Наши взгляды встретились. В его серо-голубых глазах плескалось что-то тёплое и спокойное.

— О чём задумалась? — спросил он, прожевав. — Ты ка-

кая-то... далёкая.

Я сделала глоток чая, обжигая губы.

— Да так, — соврала я, отводя взгляд. — Просто вспомнила, что мне скоро нужно будет опять в город ехать. На приём к врачу и по делам.

— А, понятно, — он кивнул и потянулся за шоколадкой. — Ну, значит, будет повод увидеться.

Он развернул шоколадку, отломил половину и протянул мне.

— Держи. Сладкое успокаивает.

Я взяла шоколад. Наши пальцы на секунду соприкоснулись. Его пальцы были тёплыми. Снова горячая волна. Да что ж такое?...

«Интересно, — подумала я, — а если бы сейчас на его месте сидел Ислам, что бы он сказал? Он бы точно почувствовал, что я о нём думаю. А Александр... Александр просто кормит меня шоколадкой и даже не догадывается, что я испытываю, глядя в его глаза».

— Спасибо, — я улыбнулась и положила кусочек в рот. Шоколад таял на языке, и я почувствовала, как напряжение понемногу отпускает. Надо поговорить о делах. Александр, прежде всего мой клиент, человек который пришёл за помощью, мужчина который хочет вернуть свою семью. А не вот это вот всё!

— Слушай, — я отставила кружку и посмотрела на него внимательнее. — Ты сказал, что готов меняться. Я рада, что

ты решился на чистку. Но это тоже не просто так, это и твоя работа, так что пришло время заняться твоей подготовкой.

Александр отложил бутерброд. Его лицо стало серьёзным.

— Я готов. Что нужно делать?

— Для начала понять главное, — я наклонилась вперёд, опираясь локтями на стол. — Ты — сверхчувствительный. Но у тебя пока нет своего постоянного щита. Ты как губка впитываешь всё, что вокруг тебя. Чужие эмоции, чужую злость, чужую боль. Ты приходишь с работы, и если рядом был кто-то злой, ты приносишь эту злость домой. А потом не понимаешь, почему тебе так паршиво.

Он кивнул, и в его глазах я увидела узнавание.

— Именно так и происходит, — сказал он тихо.

— Чистка снимает и этот слой. Но нам с её помощью нужно снять то, что глубже. И хотелось бы за один этап. Кое с чем ты можешь справиться самостоятельно. Поэтому тебе нужна подготовка. Десять дней. — Я начала загибать пальцы.

— Первое: никакого алкоголя. Вообще. Второе: меньше физических нагрузок. Тебе не нужно таскать тяжести до изнеможения. Третье: питайся в тишине. Без телевизора, без телефона. Просто ешь, думай об этой еде и чувствуй вкус. И самое главное — ограничь общение с теми, кто высасывает из тебя энергию. Особенно с теми, кто тебя раздражает.

Александр смотрел на меня, и в его взгляде было что-то такое... будто он впервые за долгое время почувствовал, что кто-то говорит с ним не как с ребёнком, а как с равным.

— Я понял, — сказал он. — Это как перед экзаменом. Только экзамен — на себя.

— Да, — я улыбнулась. — Только этот экзамен ты сдаёшь сам себе. И от того, как ты подготовишься, зависит, выйдешь ли ты из него чистым или снова нахватаешься чужой грязи.

Он помолчал, глядя в свою кружку. Потом поднял глаза.

— Мария, — сказал он, и голос его звучал очень искренне. — Я хочу сказать спасибо. За расклад. Я вчера всю ночь думал. Ты права, я слишком долго ждал, что всё решится само. Пора брать ответственность.

Я кивнула.

— Хорошо. Тогда начинай готовиться. У тебя есть десять дней. А потом мы сделаем чистку.

Он улыбнулся. Той самой, немного смущённой, но тёплой улыбкой, которая делала его похожим на мальчишку.

— Договорились.

Мы допили чай. За окном смеркалось, и в доме стало уютно и тихо. Печка гудела, отдавая тепло, а я смотрела на Александра и думала, что, может быть, это и есть то самое «Вуньо» — маленькая радость от того, что ты можешь помочь человеку найти себя.

Александр поставил кружку на стол и выпрямился.

— Ну что, Мария, — сказал он, поднимаясь. — Спасибо за чай. И за разговор. Мне пора.

— Уже? — я посмотрела на часы. — Ещё же не поздно.

— Завтра рано вставать. Уезжаю в город, — он замялся.

— Надо уладить кое-какие дела. Работа, документы, всё такое.

Я кивнула. Понимающе.

— Понятно, — сказала я. — Ну что ж. Удачи тебе там.

Он взял куртку, накинул на плечи, но не спешил уходить. Постоял в дверях, глядя на меня.

— Знаешь, Мария, — сказал он вдруг, и в его голосе появилась какая-то новая, несвойственная ему уверенность. — Я тут подумал... Всю жизнь я ждал, что кто-то придёт и всё за меня решит. Жена, работа, обстоятельства... А теперь понимаю, что так нельзя. Пора самому.

Я смотрела на него и видела, как он уже меняется. Прямо на глазах. Ещё недавно он был растерянным, сомневающимся. А сейчас — в нём появился стержень.

— И с чего ты начнёшь? — спросила я.

— С себя, — сказал он просто. — Сначала позабочусь о себе. Выстрою свою опору. А потом уже... — он улыбнулся. — Потом будет видно. Может, и с Аней получится. А может, и нет. Но я хотя бы буду знать, что сделал всё, что мог.

Я кивнула. В его словах была та самая правда, которую я и сама недавно поняла: опора — она не снаружи. Она внутри. И пока ты сам не решишь и не встанешь на ноги, никакие люди тебя не спасут.

— Хорошо сказал, — я улыбнулась. — Тогда — удачи тебе, Александр. И не забывай про подготовку. Десять дней. Никакого алкоголя. Подробную инструкцию с ежедневными

рекомендациями вышлю сообщением.

— Помню, — он усмехнулся. — Уже начал. Сегодня — только чай.

Он открыл дверь, и в дом ворвался холодный вечерний воздух.

— До встречи, Мария, — сказал он, оборачиваясь.

— До встречи, — ответила я.

Дверь закрылась. Я постояла минуту, глядя на неё, а потом доковыляла до окна. Александр шёл по двору к калитке. Шёл уверенно, твёрдо. Не оглядываясь.

«Может, и правда всё у него получится, — подумала я. — Если он сам захочет, пусть всё получится».

Я отвернулась от окна. В доме было тихо. Босс уже спал на стуле. Яна всё ещё не было. И в этой тишине я вдруг остро, до боли, почувствовала, что мне тоже нужно выстроить свою опору. Не ждать, что кто-то придёт и всё исправит. Да, Ислам мне здорово помог в своё время, но я и сама должна стоять ровно. И просто жить. Свою жизнь. Со своей болью, со своими ритуалами, со своим домом у моря.

Я посмотрела на часы. Почти девять вечера. И только тут поняла, что в доме как-то подозрительно тихо.

— Ян? — позвала я.

Тишина.

— Ян! — крикнула я громче, выходя на крыльцо.

На улице было темно и холодно. Ветер шумел в верхушках деревьев, и где-то далеко, за сопками, лаяли собаки. Но

моего пса не было слышно.

— Ну и где тебя носит, шерстяной? — пробормотала я.

Я постояла ещё пару минут, всматриваясь в темноту. Покричала, посвистела. Но ни звука, ни шороха.

«Ладно, — подумала я, возвращаясь в дом. — Нагуляется — придёт. Может, к соседям убежал. Или в соседнюю деревню, к своим собачьим друзьям. Скоро вернётся, никуда не денется».

Я закрыла дверь на замок, но какое-то смутное беспокойство осталось где-то в груди.

— Ну и ладно, — сказала я вслух, чтобы хоть как-то заглушить тревогу. — Может, попозже придёт.

Я доковыляла до кухни, налила себе ещё чаю. Но мысли о Яне не шли из головы.

«А что, если он попал в капкан? Или его кто-то обидел? Или...»

Я тряхнула головой, отгоняя дурные мысли.

— Всё нормально, Мария, — сказала я себе. — Он же пёс. У него нюх. Он найдёт дорогу домой.

Но тревога уже поселилась внутри. И я поняла, что наверное не смогу уснуть, пока он не вернётся.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.